

попаданец

попущен

Игорь Валериев

ЕРМАК
ПОХОД

Попаданец (АСТ)

Игорь Валериев

Ермак. Поход

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Валериев И.

Ермак. Поход / И. Валериев — «Издательство АСТ»,
2020 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-133589-2

Тимофей Аленин из простого мальчишки вырос в офицера Генерального штаба, георгиевского кавалера и потомственного дворянина. Сейчас перед ним стоит новая задача – доказать эффективность тактики применения малых разведывательных и диверсионных групп, вооружённых автоматическим оружием, в тылу противника. И русско-китайский поход дает для этого отличные возможности.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-133589-2

© Валериев И., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Политинформация	10
Глава 2. Вице-адмирал Алексеев	18
Глава 3. Подготовка к десанту	26
Глава 4. Тонгку	34
Глава 5. Штурм северо-западного форта	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Игорь Валериев

Ермак. Поход

© Игорь Валериев, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Посвящается моему отцу Валерию Ивановичу и любимой жене Людмиле.

За их поддержку и помощь.

Автор искренне благодарит всех участников литературных форумов «В Вихре Времен» и «Самиздат», чья критика, замечания и советы позволили улучшить данную книгу, особенно: Сергея Викторовича Акимова, Игоря Георгиевича Мармонтова, Игоря Аркадьевича Черепнёва, Евгения Шарапова.

Пролог

Я стоял на горячей палубе парохода-крейсера «Херсон», который совершал рейс Одесса – Владивосток. Мы быстро шли в море на норд-ост, в Порт-Артур. Вдалеке показался берег, пустынный, зазубренный, с желтыми скалами.

– Тигровый Хвост показался, скоро и маяк будет виден, – раздалось за моей спиной.

Резко развернувшись, я увидел Генерального штаба капитана Морозова Виталия Викентьевича, который служил в Шанхае помощником военного агента Южного Китая полковника Дессино и вторые сутки был моим гидом не только по местным достопримечательностям, но и по всем новостям и слухам от Шанхая до Владивостока. Такая благосклонность и дружелюбие были вызваны тем, что мы оба носили мундиры корпуса офицеров Генерального штаба.

Почти три с половиной года назад мне удалось поступить в Николаевскую академию Генерального штаба. В девяносто девятом году окончил её с малой серебряной медалью, с занесением фамилии Аленин-Зейский на мраморную доску рядом с именами выдающихся выпускников в конференц-зале Академии. Досрочно получил чин капитана с формулировкой «за успешное окончание дополнительного курса».

Годом ранее таких же успехов добился Лавр Георгиевич Корнилов. Ага, тот самый Корнилов, который в моём мире стал Верховным Главнокомандующим в одна тысяча девятьсот семнадцатом году и если бы не побоялся малой крови, то ещё летом того же года мог бы стать диктатором России. И куда бы повернула тогда история моего потока времени и пространства, не предсказала бы и Кассандра.

Я не оговорился, и я не сумасшедший. Почти двенадцать лет назад моё сознание гвардии подполковника Аленина Тимофея Васильевича каким-то образом перенеслось из две тысячи восемнадцатого года в тело четырнадцатилетнего казачонка Амурского войска и моего полного тёзки в одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмой год. Тимоха Аленин был моим каким-то дальним родственником, но в моём потоке времени он погиб летом именно восемьдесят восьмого при набегах хунхузов. Мне же после попадания в тело Тимохи с помощью знаний и умений офицера спецназа с большим боевым опытом удалось спастись, уничтожив бандитов.

Дальше со мной много чего произошло в этом мире. Из казачка-пастушка и сироты дослужился до Генерального штаба капитана. Наградами увешан, как бобик блохами, и это всё в двадцать шесть лет. А всё началось с того, что я закрыл своим телом цесаревича Николая от пули снайпера. Чудом остался жив. Потом поступил в Иркутское юнкерское училище, которое закончил за один год. От императора Александра III за спасение сына получил орден Святого Георгия четвёртой степени, потомственное дворянство и приставку Зейский к фамилии. Императрица подарила очень неплохое имение рядом с Гатчиной. По указанию государя был личником у Николая, когда отец направил его наместником на Дальний Восток. Ещё два раза предотвратил покушения на будущего государя императора Всероссийского Николая II. После чего сопровождал его на встречу с будущей женой Еленой Орлеанской.

В этом мире произошли кое-какие изменения. «Гессенская муха» вышла замуж за будущего короля Великобритании. Так что гемофилия царскому дому Романовых не грозит. Елена Филипповна, так окрестили французскую принцессу, уже принесла счастливому Николаю двух погодков мальчишек-здоровячков, и, насколько мне шепнули знакомые при молодом дворе, скоро будет третий ребёнок. Цесаревич очень девочку хочет. Вот и старается. Наследник есть, перед государством долг выполнен, теперь можно и для души ребёночка сотворить.

Ещё большим отличием на май одна тысяча девятисотого года было то, что император Александр III до сих пор живёт и здравствует. Всю камарилью из своих братцев и прочих Романовых держит в железном кулаке. Последнюю пару-тройку лет активно привлекает к управлению страной Николай. Георгий тоже живой, но здоровье не ахти. Настой из женишеня с раз-

личными травами, приготовленный Ли Джунг Хи и переданный мною императору, видимо, помог поддерживать иммунную систему, но с туберкулёзной палочкой не справился. В остальном же события в этом мире текут более или менее похоже с моим. Это с учётом того, что я помнил по историческим событиям моего мира в это время.

История была не мой конёк, поэтому помню только крупные исторические события. Если исходить из них, то в этом году грядёт русско-китайский поход, а далее через четыре года война с Японией. Здесь, как и в моём мире, господин Витте смог провалить и у императора Александра III строительство железной дороги через Маньчжурию.

По плану сооружения Великой Сибирской магистрали, утвержденному в одна тысяча восемьсот девяносто втором году, намечалось продление Забайкальской линии параллельно Амуру от Сретенска до Хабаровска и от него до Владивостока. Но затем родилась новая идея – соединить Сибирскую дорогу с Уссурийской более коротким путем через Маньчжурию. Китайско-Восточная железная дорога, как называли этот участок, выпрямила бы Сибирскую магистраль, сократив ее длину более чем на пятьсот верст.

Мысль о постройке КВЖД возникла впервые после проведения изысканий трассы вдоль Амура, которые показали, что запроектированное продолжение Транссиба от Сретенска по долине Амура до Хабаровска сопряжено со значительными техническими трудностями. Поэтому соединение Сибирского пути с Владивостоком прямым железнодорожным путем через Маньчжурию многим представлялось более выгодным.

На данном варианте очень настаивал министр финансов Витте, считавший, что Китайско-Восточная железная дорога будет содействовать мирному завоеванию Маньчжурии. Сторонники варианта прохождения Транссиба вдоль Амура обосновывали его последующим ростом возможностей экономического и социального развития российских территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Генерал-губернатор Духовский был против КВЖД, заявляя, что даже в случае присоединения Маньчжурии к Российской империи, важность для России Амурской железной дороги оставалась бы огромной. Он подчёркивал, что ни в коем случае нельзя прекращать намеченное ранее строительство железнодорожной линии вдоль Амура. Возможно, из-за этой твёрдой позиции он уже второй год на должности туркестанского генерал-губернатора. Сергей Юльевич – человек сложный, злопамятный и влияние при дворе имеет очень большое.

В пользу КВЖД сыграли и результаты японско-китайской войны, после которой началась дипломатическая война мировых держав за сферы влияния и концессии в империи Цин. Активно в ней участвовала и Российская империя. В результате этих действий Россия получила в полное и исключительное арендное пользование на двадцать пять лет Люйшунь и Далянь с прилегающим водным и территориальным пространством при сохранении и не нарушении верховных прав империи Цин на данную территорию.

Люйшунь, или уже Порт-Артур, как чисто военный порт России и Цин, объявлялся закрытым для судов всех других держав. А все бухты Даляня, или Дальнего, кроме одной, которая предназначалась только для России и Цин, объявлялись свободными для доступа торговых судов всех стран. Конвенция также дала праву Обществу КВЖД соорудить железнодорожную ветку от одной из станций КВЖД до Даляня, а в случае необходимости и до иного пункта между городом Инцзы и рекой Ялуцзян.

На этой территории, полученной Россией по конвенции, была образована Квантунская область, в «столицу» которой город Порт-Артур и направлялся сейчас пароход-крейсер «Херсон», где я был пассажиром каюты первого класса.

В эту командировку вырвался с трудом. Генерал-лейтенант Сухотин – начальник Академии – настоятельно рекомендовал сам, а может быть, и с подсказки кое-кого выше, оставить меня при Главном штабе. По его протекции попал в Военно-ученый комитет Главштаба, чтобы дальше продвигать развитие военной тактики по применению малых разведывательных

и диверсионных групп, вооружённых автоматическим оружием, в тылу противника. В общем, как-то так называлось то, чем я более полугода занимался на новом месте службы.

Всё бы ничего, и служба действительно была интересной, так как в большей степени я пропадал в Ораниенбаумской стрелковой школе, где на базе кавалерийского эскадрона и пулемётных команд созданного ещё в девяносто пятом году пулемётного отдела отрабатывал различные тактические приёмы. Кроме этого, там же шли постоянные испытания новых модификаций пулемёта Мадсена. С уже генерал-майором Вильгельмом Мадсеном меня связывают на настоящий момент очень близкие отношения, которые выросли из коммерческого и конструкторского взаимодействия.

Благодаря моим советам и результатам испытаний в школе, последняя модификация пулемёта имела защитный кожух, укороченный ребристый ствол и уменьшенные сошки, надульник для усиления импульса отдачи ствола и ускорения перезарядки, пистолетную рукоять и более удобную, эргономичную форму приклада. Получился просто замечательный ручной пулемёт для своего времени, равного которому не было во всём мире. И эти пулемёты уже начал «клепать» Ковровский завод, ещё не дождавшись окончательного решения Главного артиллерийского управления о его приёме на вооружение русской армии. Но такой вердикт был не за горами, а двадцать модифицированных пулемётов вместе с грудой ящиков с патронами лежали в трюме парохода. Таким вот образом я забрал у завода свои годовые выплаты по акциям и привилегиям за некоторые конструкторские новшества в пулемёте. Правда, потом буду должен написать подробный отчёт в ГАУ о применении данных пулемётов на практике со всеми подробностями.

Почему же от такой интересной службы я напросился в командировку на Дальний Восток и на возможную войну, спросите вы? Ответ прост. В Главном штабе я был «белой вороной». Непонятно какого происхождения, увешан наградами, которые многие штаб-офицеры, а то и генералы не имеют. Такое ярко выраженное отношение неприятия я впервые увидел при поступлении и учёбе в Академии. Наверное, поэтому я и сошёлся с Деникиным, который восстановился на мой курс, и с Корниловым, который учился на год старше. К ним отношение было похожим. Один – сын офицера, который выслужился из крепостных крестьян. Второй, как и я, сын казака, а про казашку мать из среднего жуза лучше вообще не вспоминать.

В общем, допекли меня такие взаимоотношения со столичными офицерами-генштабистами, вот и рвался куда-то на периферию. Лавр Корнилов по окончании Академии упылил в Туркестан, пообещав писать. Антон вообще отчебучил. По окончании дополнительного курса он, как и я, был произведён в капитаны и должен был остаться при Генштабе. Однако накануне нашего выпуска генерал Сухотин по каким-то причинам изменил список выпускников, причисленных к Главному штабу. В результате Антон не попал в их число и накатал жалобу на имя государя. Собранная военным министром академическая конференция признала действия Николая Николаевича незаконными, но дело попытались замять. Деникину предложили забрать жалобу и написать вместо неё прошение о милости, которое пообещали удовлетворить и причислить офицера к Главному штабу. На это тот ответил: «Я милости не прошу. Добиваюсь только того, что мне принадлежит по праву». В итоге жалобу отклонили. Антона к Главному штабу не причислили «за характер», и он отправился служить в свою Вторую артиллерийскую бригаду в Белу.

А я после окончания академии просился в Бурскую республику, где вот-вот должна была начаться англо-бурская война. В этом мне было отказано. На Дальний Восток через полгода выехать разрешили, и то после моей личной просьбы к императору, когда он приехал в Ораниенбаум на испытания новой модификации пулемёта. Откомандировали в распоряжение генерал-губернатора Приамурья Гродекова с целью испытаний новых пулемётов на практике. Николая Ивановича я хорошо знал ещё по своей прошлой службе при генерал-губернаторе Духовском. Гродеков с девяносто третьего года был замом у Сергея Михайловича. Поэтому

была надежда, что по старой памяти смогу нормально пристроиться к какому-нибудь подразделению и активно поучаствовать в русско-китайском походе. А то столичная жизнь уже достала!

Все эти мысли пролетели в моей голове, пока любовался приближающимся берегом под комментарии капитана Морозова. Он был очень говорливым человеком. Сыпал слов сто в минуту. И ему было достаточно кивков головы от собеседника и редких слов, типа «да», «конечно» и такое прочее.

Между тем мы вышли на рейд, где стояли два корабля: стройный двухтрубный крейсер «Адмирал Корнилов» и величественный, великолепный четырёхтрубный крейсер «Россия». Я с большим интересом рассмотрел корабли, мимо которых мы проходили. А потом под монолог Виталия Викентьевича начал рассматривать бухту и берег. Знаменитый Порт-Артур растянулся передо мной.

Трехплечая, или треххолмная Желто-золотая гора, китайская Хуан-Цзинь-Шань, высоко уходя к небу, расставила над городом свои надежные каменные объятия. В течение многих веков разные народы хозяйничали на этой горе: китайцы, чжурчжени, монголы, маньчжуры и японцы. Теперь ею командуют русские, и ее утесы и скрытые в них батареи являются надёжной защитой для разбросанного внизу теперь уже русского города.

«Будем надеяться, что через четыре года Золотая гора в Порт-Артуре не узнает той участи, которая была в моём мире, а получит не менее славную, но более счастливую историю», – подумал я, рассматривая открывающуюся панораму.

Потихоньку втягиваемся в бухту. Направо и налево торчат острые красные слоистые скалы, с расположенными на них батареями. У молчаливых, но грозно глазающих орудий, под деревянными зонтиками, стоят часовые с обнаженными шашками и посматривают на проходящее судно.

Два белых остроконечных камня на горе, поставленные один выше другого, указывают судам створ, по которому они должны входить в гавань в узком проходе, между Тигровым Хвостом и Золотой горой.

Вошли в гавань и оказались в скоплении различных судов. На пароходах под разными флагами стучат и визжат лебедки, кричат на разных языках матросы. Вот китайцы на расписной джонке дружно поднимают рыжий промасленный парус и с каждым рывком хором вскрикивают. От западной стороны гавани, где, по словам Морозова, находятся пристань морского пароходства и вокзал строящейся Маньчжурской железной дороги, доносится лязг стучающихся вагонов и свистки паровозов. Шум и разноголосый гам стоит над гаванью.

«Здравствуй, Порт-Артур, город русской боевой славы. Надеюсь, в этом мире ты не сдашься. А я тебе помогу. За четыре года, если с умом взяться, можно многое успеть», – с этими мыслями я по совету капитана Морозова отправился в каюту надевать парадный мундир. Виталий Викентьевич пообещал провести экскурсию по городу и тем местам, где русские офицеры могут замечательно и экзотично отдохнуть. Стоянка парохода в Порт-Артуре была рассчитана на три дня. Большое количество груза надо было выгрузить и загрузить.

Глава 1. Политинформация

Я стоял перед трапом, ожидая капитана Морозова. «Парадная форма офицера Генерального штаба явно не для этого климата. Жарковато, быстрее бы в какую-нибудь тень нырнуть. А ведь только тридцатое мая. Что же будет дальше», – лениво текли мысли в моей голове.

– Тимофей Васильевич, извините, несколько задержался. Собирал вещи, – услышал я за спиной голос Виталия Викентьевича и развернулся к нему.

Надо было видеть лицо Морозова. Всё время, как капитан стал пассажиром парохода в Шанхае, он видел меня только в лёгком белом мундире, который я специально захватил в дорогу, предполагая жару в пути. Наград я на нём не носил, поэтому при нашем знакомстве Морозов, который был старше меня лет на шесть и четыре года назад закончил Николаевскую академию, по своей воле взял надо мною шефство, знакомя со спецификой службы в Квантуне и на Дальнем Востоке. С учётом его любви к разговору, о себе я Морозову практически ничего за полтора дня не успел поведать.

– Да... Это... Как же... У нас же войны-то давно не было... Тимофей Васильевич, а где вы «клюкву» и Георгия заслужили? – промямлил капитан, удивлённо разведя руками. На его мундире не было ни одной награды.

– Виталий Викентьевич, вы обещали меня познакомить с хорошим местом отдыха. Вот там за столом, который не качается, я вам всё и расскажу. Не здесь же разговаривать.

– А я думал, что взял над молодым выпускником альма-матер шефство и учу его жизни, – удручённо произнёс Генерального штаба капитан. – Однако вы хитрец, Тимофей Васильевич, за полтора дня, что мы знакомы, я о вас ничего не узнал. Зато о себе рассказал всё, начиная с рождения.

– Виталий Викентьевич, дорогой, ведите меня скорее куда-нибудь в тень. А то сейчас, как Снегурочка, растаю. Это вы уже акклиматизировались здесь, а я ещё два месяца назад был в заснеженном Петербурге. Признаюсь, наши мундиры для такой жары не подходят.

– Ну что вы, Тимофей Васильевич, какая же это жара. Сейчас прохлада. Но лучше действительно быстрее добраться до места, где мы сможем отдохнуть. В море я себя не очень комфортно чувствую. Наверное, поэтому у меня появляется излишняя болтливость. Приношу извинения, если надоел вам своими разговорами, – произнёс Морозов, когда мы спустились с ним по трапу на пристань, где наблюдалось несколько джинрикш.

Европейцы сокращенно называют джинрикш, перевозящих людей в колясках, рикшами. Японцы первые завели у себя этот простой и самый дешёвый промысел человеческого извоза и дали ему название. Я столкнулся с таким способом передвижения во Владивостоке, когда сопровождал Николая в путешествии к его невесте. Но прокатиться на такой коляске тогда не пришлось. Да и цесаревич не стремился. Видимо, ему запомнилась поездка в Японии, когда чуть головы не лишился.

«Сегодня впервые придётся прокатиться на человеке», – подумал я, устремляясь за капитаном Морозовым, который уже садился в одну из колясок, показав мне рукой на другую.

Место отдыха, куда нас по указанию капитана подвезли джинрикши, находилось в грязном переулке, в самом начале китайского квартала. Двухэтажный дом в китайском стиле: внизу бакалейная и виноторговля, наверху, по словам Морозова, ресторан со смешанной европейско-китайской кухней.

Мы поднялись наверх и заняли отдельный кабинет. По стенам висели картины, рисованные по стеклу и изображавшие не только идиллические домики с прекрасными китаянками, но и военные крейсера Поднебесной, под которыми лиловая вода клубилась барашками. Комнату украшали полинявшие зеркала и искусственные цветы, яркие и пестрые.

– Для той разрухи, которая всё ещё царит в Порт-Артуре, очень неплохое местечко, Тимофей Васильевич. И кормят здесь хорошо. Местную воду не пейте, – неожиданно резко произнёс Виталий Викентьевич, увидев, как я потянулся к графину с какой-то жидкостью, стоявшему на столе.

Увидев моё недоумение, пояснил:

– В Порт-Артуре вода опреснённая. А станция, где её перерабатывают, довольно старая. От этой воды распространяются постоянные заболевания. Пейте только вина и воду, которую привозят в бутылках из Японии. А ещё лучше – виски с содой. Английские офицеры научили в Шанхае. У них богатый опыт борьбы с дизентерией и другими болезнями этим продуктом, – после этих слов Морозов подозвал боя, как здесь на английский манер называли официантов, и на корявом китайском попросил его принести виски и нормальной воды.

– Тимофей Васильевич, вы даже не представляете, англичане чуть ли не спортом объявили неимоверное уничтожение виски, которое пьют с какой-нибудь содовой, преимущественно японской водой: Tansan, Hirano, Apollinaris или Aquarius. Нет часа дня или ночи, когда благородный джентльмен не потребовал бы «whisky and soda». По их мнению, виски-сода облегчает и освежает тело, изнемогающее от тропической жары, и спасает от болезней. Если вы сделаете визит вашим знакомым англичанам или американцам, вас прежде всего не спросят о погоде, а предложат вам: «Не хотите ли сода-виски?»

В этот момент бой принёс на подносе широкие бокалы, графины с водой и виски, поставил всё на стол и удалился. Я несколько ошарашенно смотрел на эти действия.

– Не удивляйтесь, Тимофей Васильевич, здесь принято, что виски с содой наливает каждый себе сам. Нам уже готовую воду принесли, а некоторые требуют, чтобы соду, лимон, мяту и воду приносили отдельно. Вкусы у всех разные, – пока Виталий Викентьевич произносил этот монолог, он успел смешать в бокале порцию для себя. – Давайте, я и вам смешаю в той пропорции, которая мне нравится?

Дождавшись утвердительного кивка головой, смешал содовую и виски в моём бокале.

– Как говорят китайцы: цин, цин, – произнёс капитан и сделал небольшой глоток из бокала.

– Цин! Цин! – я повторил его действия, глотнув виски-соды.

«Да уж, гадость ещё та. Со льдом, может быть, и лучше пошла бы. А так разбавленный минералкой самогон», – подумал я, с трудом удержавшись от гримасы отвращения на лице.

– Не понравилось, Тимофей Васильевич? – с усмешкой спросил меня Морозов. – Ничего, со временем привыкнете.

– Признаюсь, откровенная гадость, – ответил я и поставил бокал на стол. – Я не большой любитель спиртного. Пью редко, но это что-то с чем-то.

– Если не хотите болеть, будете принимать как лекарство. Хотя о чём я. Вы же во Владивосток проследуете. Так что для вас наши проблемы со здоровьем будут не актуальными.

– Если к этому напитку относиться как к лекарству, то, наверное, можно привыкнуть. По доброй воле я такого пить бы не стал.

– Тимофей Васильевич, а вы не будете против, если я к нам на обед позову своего друга подполковника Рашевского? Мы с Сергеем Александровичем оканчивали Николаевское инженерное училище, только в разные годы. И он тоже выпускник Академии. Здесь служит при полевом штабе адмирала Алексеева в инженерном управлении. У них сейчас обед до пятнадцати ноль-ноль. А в этом ресторане, представляете, есть телефон. Я отлучусь, чтобы сделать звонок. Если Сергей Александрович свободен, то минут через двадцать присоединится к нам, заодно и обед закажу.

– Конечно, не против, Виталий Викентьевич. А по поводу обеда целиком полагаюсь на вас. Я всеядный, так что съем любое блюдо. Тем более качки здесь не наблюдается.

Морозов, выйдя из кабинета, направился куда-то в глубину ресторана, а я подозвал официанта и заказал бутылку нормальной воды. Пить хотелось всё сильнее, а виски-сода освежающего воздействия, о котором рассказывал Морозов, почему-то не произвело.

Когда мой гид вернулся к столу, я уже наслаждался прохладой минеральной воды, которую принёс бой.

– Смотрю, виски с содой вам не понравилось, Тимофей Васильевич, – произнёс Морозов, сев за стол и сделав очередной глоток из своего бокала. – Пока готовится стол, расскажите о себе. Я просто изнемогаю от любопытства, как вам удалось получить столько наград?

Пришлось кратко поведать о своих приключениях в этом мире. Когда закончил рассказ, Виталий Викентьевич произнёс:

– Удивительная история. Представляете, Тимофей Васильевич, но она частично мне известна. Вы очень популярны на Дальнем Востоке, да и здесь о вас многие знают. Правда, рассказывают в основном казаки – о новом Ермаке. А вы действительно свой род от покорителя Сибири ведёте?

– Виталий Викентьевич, я не знаю. Но в станице Черняева, откуда я родом, многие так считают. Особенно старейшины. А правда это или нет, Бог его знает?!..

– А вот и Сергей Александрович, – произнёс Морозов, глядя в открытый проём-дверь кабинета.

Я, чуть развернувшись на стуле, проследил за взглядом капитана и увидел, как в нашу сторону идёт решительным шагом офицер старше тридцати лет, из-за бородки и очков очень похожий на Чехова. На его груди был красно-золотой орден Станислава третьей степени.

Поднявшись из-за стола следом за Морозовым, дождался, когда подполковник подойдёт к нашему столу.

– Сергей Александрович, очень рад вас видеть. Позвольте представить вам Генерального штаба капитана Аленина-Зейского, он следует в распоряжение генерал-губернатора Приамурья Гродекова, – произнёс капитан Морозов. – Тимофей Васильевич, а это мой очень хороший товарищ и друг подполковник Рашевский. Лучший специалист Квантуна по фортификации.

Мы с Рашевским одновременно склонили головы, при этом я заметил уважительный взгляд, который бросил подполковник на мои награды.

После представления мы все сели за стол, уже заставленный официантами разнообразными блюдами и спиртными напитками. Отдав должное прекрасному обеду, в основном из европейских блюд, и французскому шампанскому шанхайского происхождения, Рашевский и Морозов закурили, а я, помаленьку пригубливая, расправлялся с вишнёвым ликёром, который нашёлся в ресторане.

– Как обед, Тимофей Васильевич? – выпуская кольцо табачного дыма, поинтересовался Морозов.

– Прекрасный! Я не чревоугодник, но иногда хочется поесть чего-то вкусного, – ответил я.

– Полностью с вами согласен, – вклинился в разговор Рашевский. – Маленькие радости позволяют более позитивно смотреть на окружающий мир.

– И как здесь с маленькими радостями? Ихэтуани не мешают? – поинтересовался я.

– Ну что вы, Тимофей Васильевич, в Китае подобные беспорядки происходят каждый год в какой-нибудь из провинций. Не стоит им придавать значение, – выпуская папиросный дым, произнёс Морозов. – Наш дипломатический корпус в Пекине никогда не обращает никакого внимания на все эти возмущения. Эти беспорядки в порядке вещей.

– Ну, а если события усложнятся? – полюбопытствовал я.

– Насколько мне стало известно уже здесь, адмирал Сеймур сейчас с интернациональным десантом совершает веселую военную прогулку в Пекин. Возможно, уже в этот момент им

устраивают торжественную встречу с музыкой и шампанским. Осенью десант вернется на суда, и инцидент окончится так же, как заканчивались все предыдущие.

– Я бы не был таким оптимистом. От адмирала Сеймура вот уже сутки как нет никаких известий. Сегодняшнее восстание ихэтуаней, или боксёров, представляет явление гораздо более серьезное, чем о нем думают. Я внимательно наблюдаю за ним с декабря прошлого года, когда в Шаньдуне жертвой их фанатизма стал английский миссионер Брукс, неожиданно убитый боксёрами во время его поездки по деревням. – Подполковник затушил в пепельнице папироску и, сделав из бокала глоток виски с содовой, продолжил: – На знамёнах боксёров в этот раз написан девиз: «Охрана династии и уничтожение иностранцев». Это льстит китайскому правительству и отвечает вкусам народных масс, которые стали видеть в ихэтуанях давно ожидаемых избавителей от незваного заморского ига. Юй Сянь, генерал-губернатор Шаньдуна, известный ненавистник европейцев, открыто поддерживал восстание. На его место был назначен в декабре прошлого года генерал Юань Шикай, бывший китайский посланник в Корее. Хорошо понимая, какой опасностью грозит это возмущение против иноземцев, и желая умыть руки, тот сумел направить всё движение боксёров в соседнюю Чжилийскую провинцию и воспретил боксёрам пребывание в Шаньдуне.

– Сергей Александрович, восстание в одной провинции вряд ли помешает пребыванию европейской цивилизации в Китае. Если что, мы их сомнём в кратчайшие сроки, – произнёс капитан Морозов, который также затушил папироску и глотнул из стакана виски.

«Ещё один яркий западник, – подумал я. – Для него все азиаты на одно лицо и их роль – это рабы цивилизованных джентльменов».

– Боюсь, что в этот раз события пойдут другим путём, – между тем продолжил подполковник Рашевский. – В среде китайского правительства некоторые министры и князья приняли боксёров под свое покровительство и поддерживают их деньгами и оружием. Китайская императрица издает двусмысленные приказы, в которых повелевает военным начальникам прекращать беспорядки и строго наказывать виновных, но в этих же приказах она дала мятежникам очень милое название «неосторожных храбрецов», что, конечно, еще более разжигает мятежную толпу, прекрасно понимающую маневры китайского правительства.

– Сергей Александрович, мне кажется, что вы несколько утрируете двойные стандарты китайского правительства, – произнёс Морозов.

– Не скажите. Генерал Не Шичэн, начальник кавалерии в Чжили, весьма сочувствующий русским и имеющий при себе военным советником лейб-гвардии Гусарского полка полковника Воронова, решил не допустить приближения боксёров к Тяньцзину и сжег несколько китайских деревень между этим городом и Пекином за то, что их население присоединилось к мятежникам. И что мы имеем? – подполковник сделал паузу и продолжил: – Императрица Цин выразила ему свое крайнее неудовольствие за слишком суровые и строгие меры в отношении «увлекающихся патриотов», что не помешало правительству уволить генерала Чэнь Хунбао, командующего военными силами в Баодинфу, за то, что он допустил возмущение в своем округе. Это разве не говорит о том, что китайское правительство явно ведёт двойную игру?

– Это разовый случай, и по нему не надо делать поспешные выводы. Не так ли, Тимофей Васильевич? – обратился ко мне капитан.

– Не могу сказать чего-то определённого, так как не владею информацией по этому вопросу, – ответил я Морозову.

– Извините, господа, но в последнее время императрица Цин наказывает как тех, кто поддерживает боксёров открыто, так и тех, кто их преследует слишком энергично, как генерал Не. Между тем китайское правительство не принимает решительно никаких мер к ограждению иностранцев и препятствует им взять это дело в свои руки. Английский консул в Тяньцзине настойчиво требовал у правления Императорской Китайской железной дороги дать поезда для интернационального десанта, но пекинское правительство отказало в этом на том основании,

что несколько станций сожжено и что поезда не смогут дойти до Пекина. Разве это не двойная игра, господа? – Рашевский, закончив говорить, резким движением опрокинул остатки виски с содовой в рот.

– Я думаю, что адмирал Сеймур наведёт порядок. Сил у него достаточно, – произнёс капитан Морозов.

– А я так не думаю, дорогой Виталий Викентьевич. Полковник Вогаку восемнадцатого мая сумел провезти по железной дороге в Пекин международный десант из русских, французов, англичан, американцев и итальянцев и возвратился в Тяньцзин. Но это был последний поезд. Железнодорожный путь испорчен боксёрами, дорога не восстановлена. Экспедиция адмирала Сеймура двадцать восьмого мая на трех поездах вышла в сторону Пекина. Вчера к ним вышел еще один поезд. И всё! Никаких сведений от них больше нет, – подполковник раздражённо прикурил папироску и продолжил: – Телеграфное сообщение с Пекином уничтожено боксёрами. Телеграммы передаются кружным путем, причем китайские телеграфисты не принимают шифрованных депеш. Какая ситуация в Пекине в данную минуту, невозможно сказать, но можно предположить, так как число боксёров растет гигантскими темпами, и восстание охватило всю Чжилийскую провинцию. Мятежники угрожают уже Пекину и Тяньцзину. Их количество уже превышает десятки тысяч. И что будет, если они в порыве ярости и фанатизма ворвутся в наши концессии?

– Сергей Александрович, неужели дела так плохи? Признаться, в Шанхае всё спокойно... – Морозов с удивлением посмотрел на подполковника.

– Виталий Викентьевич, я только что узнал, что китайская императрица издала тайный указ по войскам, чтобы они никоим образом не вступали в бой с боксёрами, а только осторожно заставляли их сборища расходиться. А что дальше – совместное выступление боксёров и китайских войск? Если это произойдет, то наши и другие европейские миссии в Пекине и Тяньцзине будут уничтожены. Как бы мы ни относились к боевым возможностям китайских войск и ихэтуаней, но нас слишком мало в Чжилийской провинции. В общем, сейчас может легко повториться тяньцзинская резня одна тысяча восемьсот семидесятого года.

– И что же делать? – как-то потерянно спросил Морозов.

– Позавчера адмирал Алексеев получил Высочайшее повеление о посылке в Пекин десантного отряда сухопутных войск с артиллерией. Вчера рано утром артиллерия, казаки, саперы и весь двенадцатый Восточно-Сибирский стрелковый полк были посажены на суда: броненосцы «Наварин» и «Петропавловск», крейсер «Дмитрий Донской», канонерки «Отважный», «Гремящий», «Манджур» и «Бобр» – и отправлены в Тяньцзин. Сегодня с утра они должны быть на месте.

– И каковы силы? – поинтересовался я.

– Экспедиционный отряд, под общим начальством полковника Анисимова и при офицерах Генерального штаба подполковниках Илинском и Самойлове, состоит из двенадцатого полка, четырёх орудий второй батареи Восточно-Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона, Квантунской саперной роты и шестой сотни первого верхнеудинского казачьего полка. В двенадцать часов все суда эскадры, принявшие экспедиционный отряд, снялись с порт-артурского рейда и ушли в Таку. Начальником эскадры был контр-адмирал Веселаго, – ответил Рашевский.

– Слава богу, – размашисто перекрестился Морозов. – Надеюсь, этих сил и десанта адмирала Сеймура хватит, чтобы подавить восстание.

– Хотелось бы, господа, – подполковник задумчиво уставился перед собой. – Если боксёры упустили время для нападения на Тяньцзин, когда в нем еще не было наших войск, то как бы и мы не потеряли слишком много времени и не дождались того дня, когда китайцы, увлеченные боксёрами, провозгласят священный поход против «заморских чертей». Вот тогда европейские державы будут вынуждены начать военные действия в полную силу. К чему это

приведёт – трудно представить. Господа, вы прекрасно представляете, что возмущения на религиозной и фанатической почве всегда сопровождаются крайним упорством, жестокостью и необыкновенным кровопролитием. Я не сомневаюсь в окончательной победе соединенного европейского оружия, но если придется иметь дело с сотнями тысяч фанатиков, которым нечего терять, то как бы ни пришлось заплатить за победу очень дорогой ценой. Война с ордой диких изуверов опасна, как гидра, у которой на место одной отрубленной головы сейчас же вырастают две новые.

Слушая подполковника Рашевского, я краем глаза заметил через проём входа в кабинет знакомую фигуру. Повернув голову, я убедился, что не ошибся.

– Сергей Александрович, извините, что перебиваю. Господа, прошу вашего разрешения пригласить за стол моего старого знакомого, – я показал рукой на полноватого китайца, который в этот момент в зале ресторана распекал официанта.

– Так это же господин Тифонтай, – произнёс Рашевский. – Четырнадцатого мая он был на балу у адмирала Алексева. Говорят, что он какой-то вновь пожалованный китайский генерал.

– А я слышал, что он хозяин этого заведения и многих других в Порт-Артуре и Дальнем, – внёс свою лепту Морозов.

Я чуть не поперхнулся от этих новостей и, еле сдерживая улыбку, произнёс.

– Мне он известен как хабаровский купец Цзи Фэнтай, который, получив российское подданство, стал Николаем Ивановичем Тифонтаем. Признаюсь, что давно жду от него известий об одном важном для меня деле.

– Я думаю, не будет ничего зазорного, если господин Тифонтай посетит наш стол, – произнёс Рашевский, а Морозов согласно кивнул головой.

После этого я покинул стол и вышел в зал ресторана.

– Николай Иванович, очень рад вас видеть, – громко произнёс я в спину купца.

Услышав мой голос, Тифонтай замер, потом медленно повернулся. На его лице выражения менялись каждую секунду. Удивление, неверие, досада, что-то ещё. Вот только радости я не увидел.

– Тимофей Васильевич?! – купец сделал паузу. – Извините, если обратился непозволительно.

– Ну что вы, Николай Иванович, какие могут быть условности между старыми знакомыми. Простите вас к нашему столу, – я сделал приглашающий жест в сторону кабинета.

– Весьма благодарен, Тимофей Васильевич. Кстати, вы получали моё последнее письмо по Гирину? Я его направил чуть больше двух месяцев назад.

– Вернее всего, мы с ним разминулись. Но зачем письмо, если есть человек, написавший его. Чуть позже расскажете, Николай Иванович.

– Хорошо, Тимофей Васильевич, – с этими словами Тифонтай проследовал мимо меня, направляясь в кабинет.

Степенно поздоровавшись и познакомившись с господами офицерами, купец по приглашению Рашевского, как старшего по званию, опустился на указанный стул за столом. Не успел я занять своё место, как в кабинет буквально влетел официант-бой, которому Тифонтай отдал распоряжение принести лучшего шампанского.

– Господа, я, надеюсь, вы не будете против продегустировать отличное французское шампанское? Это будет не шанхайский розлив, – с улыбкой произнёс купец.

Дождавшись одобрительных ответов от подполковника и капитана, Тифонтай обратился ко мне.

– Как вижу, Тимофей Васильевич, вы не изменяете своим вкусам. Всё тот же вишнёвый ликёр.

– Да, Николай Иванович. Вы же знаете, крепкие напитки не люблю, а вот ликёром иногда можно побаловаться.

– Распоряжусь, чтобы вам доставили с дюжину бутылок. Куда прикажете? – спросил купец.

– Экий вы хитрец, Николай Иванович. Я следую на пароходе «Херсон» во Владивосток. По расписанию пробудем в Порт-Артуре трое суток.

– Я всё понял, Тимофей Васильевич.

– Господа, а не расскажете, где вы познакомились? – с явным любопытством, подогретым спиртным, произнёс капитан Морозов.

Я не успел ответить, как Тифонтай произнёс:

– Шесть лет назад, благодаря тому, что Тимофей Васильевич замолвил за меня слово перед государем наследником, когда тот был наместником Дальнего Востока, я смог получить российское подданство.

– Разве это так сложно? – удивлённо спросил Рашевский.

– Нет, – ответил китаец. – Но мне пришлось бы лишиться вот этой красоты. А благодаря господину капитану она и моя вера остались при мне.

Произнося эти слова, Тифонтай перекинул из-за спины свою косу и сделал такое уморительное лицо, что все, включая меня, рассмеялись.

– За это вам теперь поить Тимофея Васильевича всю оставшуюся жизнь, – давясь от смеха и подхрюкивая, произнёс Морозов.

– А я согласен. Если бы не Тимофей Васильевич, моя коммерция с Китаем рухнула бы.

Пока мы веселились, пара официантов навела порядок на столе, убрав использованную посуду, а следующие принесли шампанское, новые фужеры и китайские сладости. Всё это расставили на столе, после чего один из официантов ловко открыл бутылку и разлил «Вдову Клико». Повинуясь взгляду Тифонтая, местные «boys» испарились из кабинета.

– Господа, прошу прощения, – купец, взяв фужер, поднялся за столом. – У меня есть тост. За силу русского оружия!

Такой тост было грех не поддержать. Господа офицеры и я встали, дружно выпили, после чего грянуло троекратное «ура». После того как сели обратно за стол, капитан Морозов, которого несколько стало развозить, спросил купца:

– Господин Тифонтай, а как вы относитесь к ихэтуаням?

Купец что-то тихо пробормотал себе под нос на китайском, из чего я разобрал только, что оказаться им там, откуда они родились, после чего произнёс:

– Господа, если я попаду к ним в руки, мне останется только молить о быстрой смерти. Боксёры, как вы их называете, существуют в Китае около ста лет, образуя разные тайные и явные общества, под разными названиями. Самым древним было общество «Бай лянцзяо», или «Белый лотос». Оно произвело возмущение против правительства при императоре Цзя-Цин, грабило и разоряло Южный Китай. Император послал свои войска и рассеял это общество, но его члены разбежались по всему Китаю. Стали повсюду проповедовать свое тайное учение против воцарившейся новой маньчжурской династии Цинов, для восстановления бывшей китайской династии Минов. Поэтому их девизом было: «Восстановить Минов, ниспровергнуть Цинов». Кроме политики, они стали заниматься еще мистикой, чудесами и гаданиями, в которые очень верит простой глупый китайский народ.

Тифонтай повернулся к официанту, который застыл в зале ресторана, недалеко от входа в наш кабинет. Когда официант разлил шампанское и удалился, купец продолжил:

– Это были трудные времена. Мне больно об этом говорить, но заодно с боксёрами стали действовать буддийские и даосские монахи, которые объявили эти тайные общества под охраною Будды. Монахи стали набирать мальчиков и девочек, которых обучали своим тайнам, и готовили из них воинов, в совершенстве владеющих холодным оружием и кулачным боем. Когда пришли иностранцы, тогда тайные общества направили свою деятельность не против маньчжурского правительства, а против всех иностранцев, и вместо прежнего девиза «Вос-

становить Минов и ниспровергнуть Цинов» провозгласили другой: «Охранять Цинов и уничтожать заморских». Боксёрам еще более стали помогать буддийские жрецы, так как распространение христианства в Китае стало угрожать их вере и им самим. Появилось множество обществ: «Красного фонаря», «Большого ножа», «Глиняного горшка», «Охраны государства», «Уничтожения дьяволов». Наконец появилось самое могущественное общество «Большого кулака», которое потом стало называться «Кулаком правды и согласия», или «И хэцюань».

Я и офицеры зачарованно слушали рассказ Тифантая.

– В нынешнем году оно получило название «И хэтуань», что переводится как «Дружина правды и согласия». Главная дружина ихэтуаней находилась в Шаньдуне и называлась «Шаньдунцзунтуань». У нас еще раньше бывали в деревнях добровольные дружины поселян «Туаньянь», которые занимались военными упражнениями, охраняли свои дома от разбойников. А если было нужно, то поступали в войска и шли на войну, – купец тяжело вздохнул. – Теперь все эти подготовленные воины вступают в ряды «Ихэтуань» и объявляют поход против всех иностранцев и их прислужников.

– Вот об этом я и говорил. Если китайские войска объединятся с боксёрами, нам придётся тяжело, – перебил китайца Рашевский.

– Сергей Александрович, наш народ не образован, и его легко обмануть. Монахи, которым он верит, говорят, что иностранца надо убивать. «Мей ян», то есть «Гибель заморским!» От этого ужасного клича гибнут не только иностранцы, но и китайские купцы, чиновники, все, кто только торговал или имел какие-нибудь дела с иностранцами. – Тифонтай обвел взглядом сидящих за столом офицеров, и в глазах его стояли слёзы. – Об этом пока мало говорят, но гибнут тысячи китайцев-христиан, в том числе старики, женщины и дети. Ужасные времена. Все дела, ремесла и торговля в Чжили и других провинциях, где есть боксёры, прекратились. Мы, те, кто выбрал прогресс, сами не знаем, что нам делать, как спастись от этих бедствий и чем все это закончится. Хотя боксёры и называют себя «Дружиной правды и согласия», но это совершенная ложь. Они совершают страшные несправедливости, убивая всех и каждого без разбора, кто хоть как-то связан с иностранцами. Это вносит ещё больший раздор и смуты в мой народ.

Купец взял наполненный шампанским фужер, встал и провозгласил:

– Я пью за то, чтобы Россия помогла Китаю в дни его народных несчастий. Цин! Цин!

Глава 2. Вице-адмирал Алексеев

После второго тоста Тифонтай, извинившись и сославшись на неоконченные дела, откланялся, а мы продолжили приятную беседу под шампанское и ликёр, обсуждая сложившуюся обстановку на Квантуне. Где-то через час нас покинул Рашевский. Дела службы. Через пару часов разошлись и мы с Морозовым. Я проследовал на пароход, так как мне объяснили, что в городе сейчас снять для проживания что-то более или менее достойное практически невозможно. Даже Тифонтай сказал, что быстро решить данную проблему не сможет. Лучше находиться на пароходе, тем более в каюте первого класса. А капитан направился на квартиру своего друга Рашевского, где будет проживать, пока находится в Порт-Артуре. Не больше недели, по его словам, а потом проследует обратно в Шанхай.

Утром я размялся, произвёл необходимые гигиенические процедуры и направился в ресторан парохода. Качки практически не было, поэтому с удовольствием позавтракал. Яичница с ветчиной, порция бифштекса и чашка черного чая провалились в желудок на ура. Вернувшись в каюту, стал дожидаться Тифонтая, пролистывая газеты, доставленные с утра на пароход. Вскоре в дверь каюты постучали, и на пороге возник матрос, державший в руках корзину с бутылками, судя по этикеткам, моего любимого вишнёвого ликёра.

– Ваше высокоблагородие, вот тут вам велели передать.

– Заходи, братец. Поставь в угол на стол.

Следом за матросом, который вошёл в каюту, на пороге появился Тифонтай, в своём неизменном синем китайском костюме.

– Не помешаю, Тимофей Васильевич?!

– Ну, что вы, Николай Иванович, признаться, заждался вас. Вчера так и не получилось поговорить.

– Я подумал, что при посторонних не стоило поднимать эту тему, – разведя руки, произнёс купец, пропуская мимо себя матроса.

– Ваше высокоблагородие, что-нибудь ещё нужно? – поинтересовался морячок, услужливо вытянувшись во фрунт.

– Николай Иванович, что-нибудь желаете? Шампанское, коньяк, виски с содовой?

– Благодарствую, но я, так же как и вы, спиртное не сильно уважаю, – произнёс Тифонтай.

– Тогда всё, братец, можешь быть свободен, – я подошёл к матросу и сунул ему в руку пятак. – Дойди до буфета, скажи, чтобы нам пару бутылок холодной воды принесли и бокалы.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие, – матрос буквально на глазах растворился в воздухе, не забыв аккуратно закрыть дверь в каюту.

– Присаживайтесь, Николай Иванович. Каюта хоть и первого класса, всё равно тесновато.

– Не скажите, не скажите. Видывал я и куда худшие апартаменты первого класса, – ответил купец, размещаясь в кресле. – Итак, Тимофей Васильевич, в этот раз, кажется, точно нашли. С полной уверенностью не говорю только из-за того, что уже шесть вариантов оказались ложными.

– Внимательно слушаю вас, – произнёс я, сядя в кресло и с трудом сдерживая нетерпение.

Купец был прав, за те годы, что он взялся мне помогать в поисках моей сестры Алёны, были найдены шесть девушек – казачек, уведённых силой с русского берега Амура. Две счастливо жили семейной жизнью, а вот четверых пришлось выкупать. Две из них вернулись в свои станицы, а двух, которые не помнили, откуда они родом, пристроил в Черняева. Одна в прошлом году вышла замуж. Вторая, думаю, тоже уже не одинока. Женщин в станицах не хватает, так что мужья найдутся. Да и девчонки, точнее женщины, судя по описанию, были красавицами. Потраченных денег на это не жалел, а поиски продолжал и по сегодняшний день.

– Тимофей Васильевич, как мне сообщили, в Гирине проживает жена одного из маньчжурских офицеров, который служит при штабе нингутинского цзянцзюня. По описанию, молодая женщина чуть старше двадцати пяти лет, черноволосая, лицо европейское, смуглое, нос с горбинкой, глаза зелёные. Из её рассказов, которые слышали служанки, портнихи и прочая обслуга, стало известно, что она из казачьего селения с русского берега Амура. Захватили её хунхузы, когда она была маленькой. Звали её Алёной. Отца, Василия, и мать, Катерину, бандиты убили на её глазах. После нескольких перепродаж она оказалась служанкой во дворце нингутинского цзянцзюня. Когда ей исполнилось шестнадцать лет, один из офицеров взял её сначала в наложницы, а потом в жёны. Сейчас у них трое детей. Живут богато и счастливо. Если кратко, то всё, – закончил повествование Тифонтай.

– Действительно, очень похоже. Сестрёнка была темноволосой, а глаза у неё, кажется, были светлые. И имена все совпадают, – сказал я, чтобы хоть что-то сказать. На самом деле я не помнил, как выглядела сестрёнка настоящего Тимофея Аленина. Как не помнил внешности отца и матери. После смерти сознания Тимохи эти образы как-то стёрлись в уже моей голове. Но желание найти сестру осталось, так же как и остались чувства любви и вины перед ней.

– Что делать будем? – спросил купец, прищунив глаза.

– Пока не знаю, Николай Иванович. Возможная сестрёнка – жена офицера штаба нингутинского цзянцзюня, я – офицер Генерального штаба Российской империи. Предыдущие кандидатуры на роль сестрёнки были простыми женщинами и занимали в Китае самое низшее положение. Помочь им было просто необходимо, и можно было никого не спрашивать. В этом случае, боюсь, мне придётся испрашивать разрешение у вышестоящего командования даже на письменное общение. Самый простой способ – отправить письмо с моей фотографией. Говорят, что я очень похож на отца. Да и возраст соответствует тому, когда отец погиб, защищая обоз от хунхузов, – я в волнении потёр рукой лоб. – Если генерал-губернатор Гродеков разрешит, сделаю фото в простой казачьей форме и напишу письмо на китайском и русском языках с описанием семьи. Может, что и получится. У вас есть адрес, куда надо будет отправить письмо?

– Да. Вот он, – с этими словами Тифонтай передал мне листок с адресом места проживания моей возможной сестры. – Должно всё получиться. Только вот как бы события вскачь не понесли. Мне весточка из Благовещенска пришла. Там тоже не спокойно. Среди китайских рабочих много писем от ихэтуаней. Баламутят народ. Боюсь, до большой крови дело дойдет.

– Мне до разрешения генерала Гродекова всё равно ничего предпринять не удастся, – я спрятал листок в карман брюк. – И до этого ещё минимум неделя осталась. Так что не будем загадывать. Посмотрим, что произойдёт за это время. Во всяком случае, большое спасибо за информацию. Сколько я вам должен?

– Тимофей Васильевич, информация о том, что я выкупил четырёх казачек, чтобы вернуть их на родину, подняла мой авторитет среди казаков Приамурья и Забайкалья на недостижимую ранее высоту. Такого ни за какие деньги не купишь. Так что это я вам должен.

– Что же, ещё раз спасибо, Николай Иванович. Буду надеяться, что в этот раз это будет действительно моя сестра. Только что вот делать потом?!

– Просто радоваться, что на этом свете живёт человек с вашей кровью. Живёт богато, счастливо. Радоваться, что у вас уже трое племянников. Забыл вам сказать, что дети все мальчишки. Надеюсь, что скоро всё успокоится вокруг, и вы сможете увидеть свою сестру, зятя и племянников.

– Ваши слова да Богу в уши, – с довольной улыбкой от ещё одной приятной новости произнёс я.

– Мы сами должны пройти свой путь, но слова Будды могут показать его, – степенно ответил купец.

– Ещё раз примите мою благодарность, Николай Иванович, за подаренную надежду, – я склонил голову. – А вы действительно думаете, что ожидается большая кровь?

– Иногда мне кажется, что все они там, в Пекине, включая старую императрицу, сошли с ума и хотят погубить Китай. Такое ощущение, что министры и губернаторы провинций, которые управляют теперь государственными делами, в них ничего не понимают. Все их действия в последнее время ведут к тому, что скоро произойдет война со всеми иностранными державами, имеющими концессии в Китае. Как и сорок лет назад, Пекин будет осажден, наши войска разбегутся, дворцы будут разрушены, а бедный народ и купцы заплатят неимоверную контрибуцию за трусость войск и глупые головы чиновников, – Тифонтай грустно улыбнулся.

В это время раздался стук в дверь каюты. В каюту вошёл официант из бара-буфета парохода, принеший пару бутылок охлаждённой воды и стаканы. Расставив всё на столе и получив от меня плату со значительными чаевыми, быстро удалился. Я разлил воду по стаканам и, взяв свой, с удовольствием сделал глоток. День вступал в свои права, и в каюте уже было жарковато. Не спасал даже лёгкий прохладный бриз, потоки которого залетали в открытый иллюминатор.

– Николай Иванович, продолжайте, – попросил я.

– Хорошо, – Тифонтай сделал пару глотков и поставил стакан на стол. – Я теперь российский подданный, но, даже оставаясь китайским, сказал бы то же самое, китайцы хорошие купцы, но плохие чиновники. Если бы наши чиновники были умны, то они должны были бы уничтожить всех ихэтуаней и не позволить им трогать иностранцев. Я понимаю, что за одного тронутого иностранца потом поплатятся сто невинных китайцев, если не больше. Юань Шикай на Шаньдуне это также понимает, поэтому разогнал боксёров и выдавил их в другие провинции. И у него всё спокойно. Люди живут без страха, торговля идёт.

Купец, взяв со стола бокал, сделал ещё пару глотков и поставил его на место.

– Волнуюсь, Тимофей Васильевич. Душа-то у меня осталась китайской, и поэтому боксёры-ихэтуани для меня истинное несчастье. Вряд ли вам кто-то говорил об этом, но ихэтуани толпами врываются в деревни и города, требуют, чтобы их кормили, берут лошадей, одежду и грабят народ. Если деревня христианская, то выжигают деревню, убивая всех жителей, не щадя даже детей. Вокруг Пекина ихэтуани уже наказали больше двадцати городов и двухсот деревень, где перебили или разорили более одной тысячи семейств католиков и более ста семей протестантов. Количество убитых китайцев христиан только в Печилийской провинции уже превысило пять тысяч человек.

– Откуда у вас такие сведения? Вы об этом кому-нибудь рассказывали? – несколько резковато спросил я.

– Тимофей Васильевич, кому интересны, кроме вас, знания в голове какого-то купца? Извините, но даже офицеры отдельного корпуса жандармов мало понимают, какая информация проходит через нас. И если честно, то делиться ей бесплатно как-то не хочется. Я думаю, что А-цзянцзюнь, как здесь называют адмирала Алексеева, ещё не знает, что станции железной дороги в Баодинфу, Фынтай, Тунчжоу, Бэйцан и Мацзяпу сожжены. Богатые мастерские в Фынтае погибли. А железная дорога от Тяньцзиня до Пекина во многих местах разрушена. Имея такую информацию, мне пришлось закрыть торговый путь в провинцию Чжили. А откуда такие данные? На телеграфе работают китайцы, у которых есть жены и дети, желающие вкусно кушать и красиво одеваться. Пара-тройка ланов, и ты становишься обладателем ценной информации.

– Не перестаете вы меня удивлять, Николай Иванович, своей предприимчивостью и информированностью, – я восхищённо покрутил головой. – А почему со мной делитесь информацией?

– Тимофей Васильевич, я за почти шесть лет общения с вами убедился во взаимовыгодности наших отношений. Вы очень не любите быть должником, – улыбнулся Тифонтай. – А в продолжение темы разговора хочу сказать, что ихэтуани – это натуральные кровожадные дикие звери с таким же интеллектом. Они воображают, что их боксёрские заклинания и ладанки сильнее заморских пушек и ружей, которых они не боятся. Эти безумцы убеждены, что они бес-

смертны, и хотят драться с иностранцами. А мой глупый невежественный народ, часто никогда не видевший ни одного иностранца, вместо того чтобы прогнать всех этих шарлатанов и разбойников, верит всем их рассказам и слепо идет за ними.

– А императрица действительно поддерживает боксёров?

– По слухам, императрица Цыси увлеклась националистическими суевериями ихэтуаней и по семьдесят раз в день читает вслух их заклинания, после чего министр Ли Ляньин говорит ей, что этим уничтожен еще один заморский дьявол, – грустно усмехнулся Тифонтай. – Князь Дуань воспользовался сложившейся ситуацией, чтобы прибрать власть к своим рукам. Как говорят, уже не богдыхан теперь управляет делами, а князь Дуань и старая государыня. Они воображают, что, купив у германцев новые пушки и ружья, они стали всесильны и могут одержать победу над иностранными войсками.

– А вы так не считаете? – спросил я.

– Увольте, Тимофей Васильевич. Давать нашим трусливым войскам новые пушки так же бесполезно, как и надевать на зайца кольчугу, – горько хохотнул купец. – Увидав льва, заяц убежит вместе с кольчугой. Я ещё вчера говорил, что это восстание принесет Китаю одни несчастья, от которых более всего пострадают самые неповинные в нем – купцы и горожане.

– Ладно, время покажет, Николай Иванович, насколько вы были правы в своих предположениях. У меня будет к вам ещё одна просьба.

– Какая?

– Мне на сегодня, а может, и на завтра нужен гид, который мог бы показать город и окрестности. Когда ещё попаду в Порт-Артур?! Хочется осмотреть местные достопримечательности.

– Нет ничего проще. В течение часа к трапу прибудут рикша и мой человек, который проведёт подробную экскурсию по городу. Русского он практически не знает, но прекрасно говорит на английском, который, насколько я знаю, вы знаете в совершенстве.

– Огромное спасибо, Николай Иванович. Я опять ваш должник.

– Ну что вы, Тимофей Васильевич, какие счёты.

На этом мы расстались. Через час я уже следовал в большой коляске, которую толкали два рикши по улицам города. Рядом со мной сидел одетый по европейской моде китаец, на прекрасном английском языке рассказывающий об истории города, начиная ещё со времён династии Цзинь, правившей в третьем-четвёртом веках нашей эры.

После обеда, который прошёл в небольшом трактире-баре-кафе, также принадлежащем Тифонтаю, экскурсия по городу продолжилась. Мой гид по имени Шен Ли, работающий приказчиком у Тифонтая, повествовал очень интересно. Расстались с ним, когда на город стали опускаться сумерки, договорившись, что завтра с утра продолжим знакомство с городом и окрестностями.

Но утро первого дня лета внесло коррективы в мои планы. Когда я завтракал в ресторане парохода, ко мне подошёл старший помощник капитана.

– Прошу прощения за беспокойство, Тимофей Васильевич, в десять часов вас ждут в Морском пароходстве с консаменентами на груз.

– Что случилось, Пётр Семёнович?

– По слухам, адмирал Алексеев принял решение задержать наш пароход в своём распоряжении для перевозки войск в Тонгку.

– Куда?

– Это небольшой город на реке Пейхо за фортами крепости Таку. От него идут железнодорожные ветки, одна через Тяньцзинь в Пекин, а другая вдоль побережья залива на Шанхай-гуань до Инкоу.

– Что-то назревает... – задумчиво произнёс я. – Просто так адмирал вряд ли стал бы задерживать пароход, тем более для перевозки войск.

– Война, вот что назревает, по моему мнению. Местные дипломаты и военные считают, что её не будет, что это очередное восстание в одной провинции. А я вот только третий раз в Порт-Артуре и вижу, как сейчас смотрят на европейцев обычные китайцы. С вызовом они смотрят. Появись в городе боксёры, мне кажется, все жители китайцы, как один, их поддержат.

– Однако вы оптимист, Пётр Семёнович, – шутливо произнёс я.

– Станешь тут оптимистом. От экспедиции Сеймура уже четыре дня никаких известий, как и из Пекина. От отряда полковника Анисимова второй день нет сообщений. Вышел из Тонгку и как в воду канул, – старший помощник капитана раздражённо махнул рукой. – Ещё раз извините, что побеспокоил во время завтрака, но мне ещё других пассажиров надо обойти и сообщить новость. Позвольте откланяться.

С этими словами Пётр Семёнович склонил голову и, развернувшись, направился в дальний угол ресторана, где за столиком принимал пищу ещё один пассажир парохода. С ним я знаком не был.

После завтрака дождавшись на пристани рикшу с Шен Ли, я извинился перед ним и сообщил, что экскурсия на сегодня отменяется, так как я не знаю, чем у меня закончится вызов в пароходство. Ещё раз извинившись за причиненные неудобства, направился в каюту переодеваться. По своему опыту общения уже знал, что с чиновниками надо общаться во всеоружии своей формы, то есть в парадном мундире и со всеми наградами. Только тогда эти шпаки начинают относиться к тебе с уважением, а не с принятой снисходительностью.

Всё оказалось так, как я и предполагал. Полный бардак в пароходстве, все куда-то спешат по своим делам, все заняты, и ни хрена не делается. Полчаса у меня только ушло, чтобы выяснить, к кому я должен обратиться с моим вопросом. Далее отстоять в очереди. Нет, меня, с учётом моих наград, настоятельно просили пройти без очереди. Но мы люди скромные, подождём-с. Наконец подошел и мой черёд, и я вошёл в кабинет, где присутствовал чиновник Русского общества пароходства и торговли. Не желая терять и дальше время, я решительно подошёл к столу.

– Генерального штаба капитан Аленин-Зейский. Вот мои коносаменты на груз.

– Коллежский секретарь Смирнов, – устало произнёс чиновник. – Садитесь, пожалуйста.

Взяв мои документы на груз, коллежский секретарь неспешно начал их читать. Через несколько секунд его брови удивлённо поднялись вверх, и он вернулся к первому листу, начав его читать по-новому.

– Господин капитан, прошу прощения, но ваш груз – это пулемёты и патроны к ним?

– Да. А что-то не так?

– Если честно, то впервые сталкиваюсь, чтобы такой груз перевозили не по документам военного ведомства, а как груз частного лица. Признаюсь, сильно удивлён.

– Господин Смирнов, эти пулемёты принадлежат мне, а не военному ведомству. Соответственно, коносаменты и оформлены таким образом, – ответил я, начиная закипать. – И объясните мне цель вызова в пароходство.

– По распоряжению вице-адмирала Алексеева пароход «Херсон» временно приписывается к Порт-Артуру для его использования в военных целях. Поэтому нам дано указание решить вопросы с пассажирами и грузом.

– До двадцатого июня я и мой груз должны прибыть в распоряжение генерал-губернатора Приамурья Гродекова, – я посмотрел в красные от усталости глаза коллежского секретаря. – Что вы можете предложить?

– Пока только переместить ваш груз в первый пакгауз и ждать оказии. Следующий пароход Добровольного флота придёт дней через десять. Но я не могу гарантировать, что и его не припишут временно к Порт-Артуру, – Смирнов развёл руки в стороны, показывая, что ничего определённого он сказать и пообещать не может.

– Хорошо, я понял ситуацию. Единственная просьба, сложить мой груз так, чтобы я мог его быстро получить и погрузиться. Возможно, мне удастся договориться с военными моряками.

– Это я могу вам пообещать, господин капитан. Поверьте, мы сами сейчас находимся в подвешенном состоянии. В случае войны все суда Добровольного флота переходят в распоряжение военных. Что будет дальше, вряд ли кто сейчас сможет сказать хоть что-то определённое.

Выходя из здания Морского пароходства, я думал, что надо как-то попасть на приём к Алексееву или его заму, отвечающему за военные перевозки между Владивостоком и Порт-Артуром. Опаздывать к новому месту службы – это моветон в офицерской среде. Да и груз у меня специфический. К тому же теперь надо искать место проживания. Придётся обратиться к Тифонтаю.

Но, как обычно бывает в таких ситуациях, события понеслись вскачь, и моя проблема разрешилась сама собой. После обеда в ресторане парохода, который был за счёт Доброфлота в знак компенсации причинённых неудобств, в каюте меня, собирающего вещи, застиг посыльный из штаба адмирала Алексеева с распоряжением немедленно явиться к главному начальнику и командующему войсками Квантунской области и морскими силами Тихого океана.

– Ваше превосходительство, разрешите войти, – я сделал шаг в кабинет, дверь в который услужливо распахнул секретарь в звании подполковника. – Генерального штаба капитан Ален-Зейский по вашему приказанию прибыл.

– Проходите, капитан. Времени мало, поэтому начну с сути. Это правда, что вы являетесь владельцем двадцати пулемётов? – вице-адмирал Алексей встал из-за стола и сделал пару шагов к окну. Одет адмирал был в повседневный морской мундир, на котором были только орден Владимира второй степени и командорский крест ордена Почётного легиона.

– Так точно, ваше превосходительство. Вместе с грузом из двадцати ружей-пулемётов Мадсена и патронами к ним следую в распоряжение генерал-губернатора Приамурья Гродекова для прохождения дальнейшей службы и испытаний данных пулемётов в войсках с дальнейшим отчётом в Главном артиллерийском управлении, – ответил я, перед этим сделав два шага внутрь кабинета и застыв, вытянувшись во фронт.

– А почему пулемёты частные, а не военного ведомства? – Алексей вернулся к столу.

– Ваше превосходительство, это ручные пулемёты новой модификации. Извините, но так всё чаще называют пулемёты такой конструкции, так как из них можно стрелять, держа в руках, – произнося эти слова, я непроизвольно на автомате встал в стойку для стрельбы из пулемёта стоя. Смутившись от улыбки Алексева, вновь принял стойку «смирно» и продолжил: – Несмотря на то что на последних испытаниях государь император одобрил принятие данного пулемёта на вооружение российских войск, пауза несколько затянулась. Я являюсь акционером Ковровского завода, и некоторые детали пулемёта мы проектировали вместе с генерал-майором Мадсеном. Для убыстрения принятия решения по этой модификации пулемёта я приобрёл их партию на свои средства и получил личное разрешение государя императора на проведение испытаний в Приамурье.

– Что же, это просто замечательно, – Алексей, который, по слухам высшего аристократического света, являлся внебрачным ребёнком Александра II, потёр руки. – Капитан, как вы смотрите на то, чтобы испытания ваших пулемётов прошли в Квантунской области в боевых условиях?

Я замялся, не зная, что ответить. Алексей был здесь царь и бог в одном лице. Как я ему могу отказать, но с другой стороны, я следую в распоряжение Гродекова. Просто отдать пулемёты Евгению Ивановичу жаба душит.

– Тимофей Васильевич, ваши расходы военное ведомство компенсирует, – прервал моё молчание самый главный начальник на Квантуне.

«Охренеть, он даже моё имя и отчество знает. Вот это номер», – эта мысль пронеслась у меня в голове, пока я боролся со своей челюстью, которая собиралась упасть на пол от щедрости вице-адмирала.

– Ваше превосходительство, не в деньгах дело. Просто я вёз эти пулемёты в Приамурье. Там есть готовые пулемётные команды, которые умеют обращаться с данным оружием. А у вас в подчинении есть пулемётные команды?

– Н-да, об этом я как-то не подумал. Мне доложили о ружьях-пулемётах. А что, из этих ружей-пулемётов тяжело научиться стрелять?

– Скажем так, несколько сложнее, чем из винтовки. А вот обслуживание пулемёта намного сложнее.

– Хорошо, капитан, я сейчас введу вас в суть дела происходящего на Квантуне. Ну, а вы, как профессионал, предложите решение возникших проблем, – адмирал сел за стол, указав мне на стул.

Дождавшись, когда я приму сидячее положение, Алексеев продолжил:

– Адмирал Сеймур со своей экспедицией находится неизвестно где, предположительно между Тяньцзином и Пекином. Предполагаем, что его отряд отрезан от Тяньцзина китайскими войсками, боксёрами и разрушенной железной дорогой. Отряд полковника Анисимова также канул в неизвестность. Вчера около двух тысяч китайских правительственных войск прибыло в форты Таку. Не сомневаюсь, что эти меры принимаются с целью воспрепятствовать дальнейшим высадкам иностранных войск в Тангу, – Евгений Иванович сделал паузу. Внимательно посмотрел на меня и, видимо, что-то решив про себя, продолжил: – Из Пекина сегодня было получено известие об убийстве китайскими солдатами чиновника японского посольства. Князь Дуань, поддерживающий боксёров, назначен главнокомандующим всех войск в Китае. Его ближайшими советниками и главными членами Цзунлиямыня назначены яростные ненавистники иностранцев – маньчжуры Юй Сянь и Ган И, а министром юстиции – китаец Чжао Шуцяо. Обстановка накалилась до предела. Я в любой момент жду объявления войны от китайского правительства.

Я внимательно слушал адмирала, отметив про себя, что тот искренне переживает сложившуюся обстановку.

– От начальника русской Тихоокеанской эскадры вице-адмирала Гильтебрандта сегодня пришёл доклад о том, что железная дорога между Тангу и Тяньцзином разрушена, а китайцы начали закладывать мины в устье Пэйхо. Поэтому, чтобы сохранить сообщение с Тяньцзином и держать вход в реку Пэйхо свободным, я принял решение вручить третьего июня ультиматумы чилийскому вице-королю Юй Лу и коменданту крепости Таку генералу Ло Юнгуаню с требованием передать союзным войскам форты к двум часам ночи четвертого. Если к этому сроку форты не будут очищены китайскими войсками, то союзники будут вынуждены взять форты силой. При этом адмиралы эскадр будут ожидать ответа от китайского генерала до четырех часов утра. Вы знакомы с крепостью Таку, капитан?

– Никак нет, ваше превосходительство, – вскочив со стула, ответил я.

– Тогда подойдите и посмотрите схему, – адмирал достал из папки, лежащей на столе, свернутый несколько раз лист бумаги и развернул его. – В худшем случае нам предстоит взять штурмом пять фортов крепости. Два на левом берегу Пэйхо – это северо-западный и северный форты, или четвертый и первый. Ещё три на правом берегу – южный, юго-западный и прибрежный, или второй, пятый и третий соответственно. Позади северо-западного форта находилась брошенная импань. Форты тянутся на протяжении трех верст с юга на север вдоль морского берега. На их батареях установлены сто семьдесят семь орудий, относящихся большей частью к архаичным системам. Однако девятнадцать современных английских и немецких пушек приспособлены для ведения кругового обстрела и могут накрывать огнём как устье реки, так и саму реку, которая благодаря изгибам несколько раз проходит параллельно фортам.

Рука Алексеева с зажатым карандашом прошла по изображению Пэйхо.

– Видите, капитан, река, благодаря своим постоянным извивам, на протяжении семи миль от устья вверх четыре раза идет почти параллельно фортам. Расстояние между фортами, запирающими устье, не более двух кабельтовых.

– Крепкий орешек, ваше превосходительство, – ответил я, внимательно изучая схему.

– Очень крепкий. Большие корабли из-за мелководья могут подойти к морскому берегу перед крепостью Таку не ближе двенадцати миль. Из-за этого форты смогут атаковать только канонерские лодки, при условии, если они будут пропущены китайцами в реку или прорвутся. Но при таком соотношении артиллерии они обречены на уничтожение, если десантом быстро не взять форты.

– Ваше превосходительство, а схема расположения канонерских лодок на реке есть или данный вопрос ещё не рассматривался?

– Я бы расставил их так, – Алексей быстро нанёс значки кораблей на схему. – Здесь я бы поставил наши канонерки «Гиляк», «Кореец», «Бобр». Английскую лодку «Альджерин» и контр-миноносец «Вайтин» разместил бы напротив доков. Там стоят четыре китайских истребителя миноносцев и батарея орудий для прикрытия доков. Германский «Ильтис» и французский «Лион» я бы расположил в этом месте. Такая расстановка приведёт к тому, что под огнём союзных пушек окажутся все объекты крепости. А где бы, капитан, вы высадили десант?

Алексеев посмотрел на меня, как строгий экзаменатор-профессор на двоечника студента. Взяв из письменного прибора карандаш, я очертил на схеме небольшой овал, рядом с Тонгку.

– Если верить схеме и изображенным на ней линиям рельефа, то в этом месте должна быть низина, не просматриваемая с фортов. А каковы силы десанта?

– Вот в этом и основная проблема, капитан. По докладу адмирала Гильтебрандта их эскадра сможет выставить чуть больше семисот бойцов. И при этом в нём нет русских, – адмирал сжал кулак, и раздался треск ломаемого карандаша. – Полковник Анисимов вымел всё подчистую в свой сводный отряд. Генерал Стессель со своей бригадой подойдёт дня через три. Сейчас собирают всех оставшихся в Порт-Артуре солдат двенадцатого полка, которые не ушли с Анисимовым. А завтра я их отправлю в Таку. Необходимо, чтобы в составе десанта были русские солдаты. Вы же понимаете политическую важность этого момента, капитан?

– Так точно, ваше превосходительство.

– Вот этот отряд я и хотел вооружить вашими пулемётами. А после передать их в бригаду генерала Стесселя. Что скажете, Тимофей Васильевич?

Я задумался. В голове мелькнула мысль: «Добро пожаловать на войну, товарищ гвардии подполковник. А то засиделись в тылу, батенька».

– Ваше превосходительство, я готов безвозмездно передать для боевых действий на Квантуне десять пулемётов и половину патронов. Оставшиеся пулемёты и патроны прошу оставить для войск Приамурья. Судя по всему, они там также пригодятся. Кроме того, я готов возглавить сводный отряд, направляемый в Таку для десанта. За сутки можно много успеть в обучении использованию пулемётов, – решительно произнёс я, приняв стойку «смирно».

– Тимофей Васильевич, я горжусь тем, что в российской армии служат такие офицеры, как вы, – с этими словами адмирал энергично пожал мне руку. – Принимайте командование сводным отрядом. По поводу пулемётов для генерал-губернатора Гродекова не волнуйтесь. Отправим с первой же оказией. Думаю, вы сами и отвезёте ещё до двадцатого числа.

Глава 3. Подготовка к десанту

– Господа офицеры, унтер-офицеры и рядовые, я, Генерального штаба капитан Ален-Зейский Тимофей Васильевич, временно назначен начальником вашего сводного отряда. Следующей ночью мы примем участие в штурме фортов крепости Таку, которая запирает устье реки Пэйхо. Вольно!

Мою команду продублировал поручик Станкевич, который стоял слева-сзади от меня на шаг.

– Офицеры и унтер-офицеры ко мне, солдатам пять минут на перекур и оправиться. Разойдись! – скомандовал я, убирая ладонь от среза фуражки.

Ещё два часа назад в кабинете вице-адмирала Алексева я не представлял, что стану командиром сводного отряда в количестве вместе со мной в сто шестьдесят девять человек. В своей основе это были солдаты тыловых служб: пекари, сапожники, кашевары, ездовые и прочие. В общем, все те, кого полковник Анисимов не взял с собой, оставив в Порт-Артуре для излечения и охраны имущества двенадцатого и восьмого Восточно-Сибирских стрелковых полков. Этим сводным отрядом командовал поручик Станкевич Сильвестр Львович. Из офицеров ещё был подпоручик Янчис Пётр Александрович. Унтер-офицеров было двадцать человек, но почти все тыловики. И вот из этого воинства нужно меньше чем за сутки создать боеспособное подразделение.

– Господа офицеры и унтер-офицеры, завтра на крейсере «Адмирал Корнилов» наш отряд будет переброшен к устью реки Пэйхо, и далее на баржах к месту высадки международного десанта. Срок ультиматума о сдаче фортов Таку истечёт в два часа утра четвёртого июня. Если китайские власти форты не сдадут, они будут атакованы с реки канонерскими лодками сил коалиции, а по суше – нами и теми силами, которые выделяют в десант другие государства.

– Ваше высокоблагородие, извиняюсь, что перебиваю, а много в этих фортах китайских войск? – перебил меня саженного роста унтер-офицер, кулаки которого были размером с мою голову.

– Унтер... – я пристально посмотрел в глаза бойцу.

– Старший унтер-офицер Акимов, ваше высокоблагородие.

– Акимов, по последним данным в четырех фортах крепости Таку около трех с половиной тысяч китайских солдат. Пушек у них тоже хватает. У нас в десанте будет около тысячи человек вместе с нами. Штурмовать будем каждый форт по отдельности, так что силы почти равные... – Я сделал паузу и обвёл взглядом стоящих передо мной толпой два десятка унтер-офицеров. – На сегодняшний день наша задача сформировать десять пулеметных команд, обучить их стрельбе из ручных пулемётов Мадсена. Также отработать перемещение по местности в атакующих цепях. Ну и по парочке обойм выпустить по мишеням. В этом году стрельбы были?

– Никак нет, господин капитан, – ответил поручик Станкевич.

– Значит, сегодня солдаты вспомнят, за какой конец винтовку держать и для чего она предназначена. В ящиках, которые привезли сюда на стрельбище, находится десять пулемётов, по десять магазинов на каждый и пара ящиков с патронами. Сильвестр Львович, – я, смакуя имя и отчество поручика, обратился к нему. – Вы намного лучше меня знаете личный состав. Мне нужны двадцать хороших стрелков, ну и чтобы силушкой не обижены были. Всё-таки пулемёт, это не винтовка. И потяжелее, и отдача посильнее. Из остальных сформируйте три взвода. Вопросы?

– Никак нет, господин капитан, – приняв стойку «смирно», ответил Станкевич. За поручиком вытянулись во фронт унтер-офицеры и Янчис.

– Выполняйте, Сильвестр Львович, – я кратким и быстрым жестом бросил ладонь к срезу фуражки, после чего, развернувшись кругом, отошёл на несколько шагов в сторону, чтобы не мешать.

Всё как в любой армии. Команду отдал, а дальше не мешай подчинённым пылать энтузиазмом при выполнении твоих великих приказаний-указаний.

Станкевич оказался опытным офицером, быстро сбагрив выполнение распоряжений на Янчиса, подошёл ко мне.

– Господин капитан... – начал он, но я перебил его.

– Наедине в офицерском составе без чинов, Сильвестр Львович.

– Спасибо, Тимофей Васильевич. Вы считаете, что нам придётся брать форты крепости Таку силой оружия?

– Так считает адмирал Алексеев. И я его поддерживаю в этом мнении. Кстати, у вашего полка у солдат парадные мундиры черного цвета? Я не ошибаюсь?

– Скорее темно-зелёного. Но сейчас ввели белые рубахи. В них значительно легче в местной жаре.

– И ночью видно издалека. Атаковать форты придётся ночью. Поэтому приказываю взять в поход парадные мундиры и фуражки. До места боя нас доставят с комфортом, так что о весе солдатского ранца можно не беспокоиться, – я посмотрел на поручика, который стоял передо мной в белом мундире и такого же цвета фуражке. – Сильвестр Львович, и вы сами вместе с Петром Александровичем в этот поход наденьте лучше солдатские чембары¹ и черные мундиры с фуражками не забудьте.

– Слушаюсь, господин капитан, – приняв стойку «смирно», произнёс поручик. – Только как мы будем в темноте опознавать своих солдат?

– Очень просто. Кусок белой тряпки в виде повязки на левом плече. Надо ещё и на союзников заготовить. А то ещё перестреляем друг друга.

– Простое и, вернее всего, эффективное решение, – задумчиво произнёс поручик.

– Сильвестр Львович, есть ещё одна проблема, которую надо быстро решить.

– Какая, Тимофей Васильевич?

– Где бы найти динамит?

– А зачем?

– Ворота в форт вы как собираетесь открывать? Я думаю, что с разбега мы своими телами их вряд ли откроем. А так подвесил на вбитый в ворота хотя бы метательный нож или штык несколько скрученных вместе динамитных пашек, или патронов «целлюлозе-динамит», или кавалерийских пироксилиновых патронов, последние даже лучше, они взрываются от попадания пули. Подвесили, отошли на безопасное расстояние, выстрел, и вуаля, проход готов, – я изобразил правой рукой стрельбу из револьвера. – Но надо бы попробовать. Я вижу тут несколько мишеней из жердей и досок. Можно на них испытать.

Поручик повернулся к унтер-офицерам, которых продолжал «строить» Янчис, и громко скомандовал:

– Будаков! Ко мне!

Через несколько секунд перед нами предстал фельдфебель небольшого роста, весь какой-то квадратный, с заросшим бородой и усами лицом и хитрющим взглядом из-под густых бровей. Вытянувшись во фрунт, тот бодро доложил о своём прибытии.

– Прошу любить и жаловать, господин капитан, наш полковой каптенармус фельдфебель Будаков. По вопросам что-то достать – царь и бог, – произнёс, обращаясь ко мне, Станкевич, после чего обратился уже к унтер-офицеру: – Иван Фомич, у нас пироксилиновые шашки остались?

¹ Шаровары.

– Никак нет, вашбродь. Его высокоблагородие полковник Анисимов все пашки и патроны с собою забрал. Ничего не осталось.

– А где можно быстро достать, Фомич?

– Если только у морячков. Но это уж господам офицерам промеж себя договориться легче. Я как понимаю, не одну саперную или кавалерийскую пашку надо.

– А кроме морячков кто помочь может? При строительстве КВЖД динамитные пашки наверняка использовали. Неужели в Порт-Артуре не найти взрывчатки? – я вступил в диалог Станкевича и Будакова.

– Ваше высокоблагородие, ежели у шпаков искать, то надо к Тифонтаю обращаться. У этого китайского генерала всё найти можно.

– Вот как хорошо, – с этими словами я достал из своей сумки блокнот бумаги и быстро набросал несколько иероглифов, вырвал листок и передал его фельдфебелю. После этого достал из кармана пару рублей мелочью и также вручил Будакову. – Иван Фомич, срочно нанимаешь рикшу и отправляешься в город, находишь Тифонтая. Знаешь, где его найти?

– Так точно, ваше высокоблагородие.

– Ну и отлично. Передаешь ему записку. И надеюсь, в казарму ты вернёшься с взрывчаткой. Как с ней обращаться – знаком?

– Так точно, я же за вооружение и боеприпасы в полку отвечаю. Только, ваше высокоблагородие, Тифонтай без денег ничего не даст. И взрывчатки сколько брать?

– Не волнуйся, фельдфебель, ты ему записку передай. А брать много. Нам четыре форта штурмовать. Всё понятно?

– Так точно.

– Тогда вперёд, исполнять. Стоять! Ещё десять саженей брезентового тонкого пожарного рукава найди. Вот теперь вперёд.

– Слушаюсь, – Будаков, развернувшись кругом, резво потрусил в сторону выхода со стрельбища.

– Тимофей Васильевич, если не секрет, а что вы написали в записке? – с явным любопытством спросил Станкевич.

– Если перевести иероглифы на русский язык, то смысл будет что-то типа «я не люблю быть должником».

– А вы давно знакомы с этим китайским генералом?

Я не выдержал и рассмеялся.

– Извините, Сильвестр Львович, просто я уже не первый раз слышу о том, что Тифонтай какой-то китайский генерал. На самом деле он первогильдейный купец из Хабаровска и российский подданный. Но зная Николая Ивановича, не удивлюсь, что именно он и распускает такие слухи.

– Н-да... Вот ведь мошенник!

– Тифонтай честен со своими партнёрами, но не будет против, если о нём начнут ходить разнообразные слухи, которые будут продвигать его коммерцию. Я его знаю почти шесть лет и ни разу не слышал, чтобы он кого-то обманул. Ну да ладно! Будем надеяться, что Николай Иванович предоставит нам взрывчатку. А пока займемся нашими делами. Будем из обозников и кашеваров делать настоящих солдат. Времени мало, и его надо использовать в полной мере.

Следующие три часа на стрельбище прошли продуктивно. Станкевич и Янчис со старшими унтерами гоняли обозников в хвост и в гриву, отрабатывая наступление цепями на укрепленный пункт. Схем фортов не было, поэтому упражнение сделали простым, благо ширина стрельбища позволяла. Три стрелковые цепи по сорок человек с интервалом пять-шесть шагов между стрелками и десять между цепями.

Сначала тыловики учили просто соблюдать интервал в цепях. Потом наступления пошли с имитацией стрельбы. А после того, как я объяснил Станкевичу, Янчису и унтерам

порядок наступления перекатами, с перебежками и залеганиями, когда цепи шли в атаку, поддерживая друг друга огнём, интенсивность и энтузиазм «наступлений» усилились. В результате чего скоро солдатские гимнастёрки на спинах покрылись коркой соли.

Я за эти три часа более или менее обучил в теории работать с пулемётом десять боевых расчетов по два человека. Первый номер был вооружен пулемётом Мадсена и «лифчиком» с пятью магазинами по тридцать патронов. Такой естественный бронежилет был создан по моему предложению, и его, возможно, примут на вооружение вместе с новой модификацией пулемёта. Второй номер также имел «лифчик» с пятью снаряжёнными магазинами, плюс запас патронов в ранце и винтовку.

Из шестнадцати десятков нестроевых солдат нашлись двадцать, которые знали, как бить белку в глаз. Всё-таки полк формировался и из сибиряков, которые с детства дружат с винтовкой. Получив в руки такую новую игрушку, бойцы занимались с огоньком, познавая устройство пулемёта и особенности стрельбы из него. Глядя на своих однополчан, которые цепями, как кони, носились по стрельбищу, иногда посмеивались, даже не подозревая, что скоро присоединятся к пробежкам и пострелушкам.

Пулемётный расчет из двух человек отрабатывался для стрелковых подразделений. Для диверсантов-разведчиков он был несколько другим. Пулемётчик, снайпер и наблюдатель, который с помощью бинокля корректировал стрельбу обоих стрелков. Такая замаскированная группа теоретически могла за минуту выбить прислугу артбатареи, сорвать атаку пехоты, уничтожив командиров, затормозить на дороге обозную колонну, а потом с помощью остальной группы расстрелять ее. Но здесь была другая задача, да и времени на обучение совершенно не было.

Когда солнце стало садиться и приближаться к горизонту, я прекратил издевательства над личным составом. Все набегались, настрелялись. Рубахи не только у них, но и у офицеров с унтерами встали колом от высохшего пота. Судя по выражению глаз, все они как один были готовы пойти куда угодно и уничтожить кого угодно, а в первую очередь этого неугомонного капитана, который свалился на их головы.

Вернувшись в казарму, первым делом я организовал помывку личного состава, потом поздний ужин и чистку оружия. Сегодня солдаты реально настрелялись. Из пулемётов выпустили по три магазина все двадцать человек пулемётных команд, а солдаты – по три обоймы. Поэтому чистили пулемёты и винтовки долго и вдумчиво. К концу чистки оружия появился Будаков вместе с Шеном Ли, приказчиком Тифонтая. Они привезли ящик динамитных шашек и пожарный рукав. Как объяснил Шен Ли, в Порт-Артуре взрывчатки не оказалось, пришлось ехать за ней в Шуйшуин, там были склады КВЖД.

Я вскрыл ящик. Как в кино, в нём лежали рядами круглые динамитные шашки с надписью на английском языке. Бикфордовы шнуры с капсюлями-детонаторами находились в отдельном деревянном пенале. Всё было завернуто в вощеную бумагу. Узнав у Ли стоимость, выписал чек и со словами благодарности отправил его к Тифонтаю. Потом нарисовал на листке схему подрывного заряда в пожарном рукаве. По диаметру в него как раз входило три шашки. Три отрезка по шесть шашек, буквой «П», прикрепить четырьмя штырями к поверхности ворот в районе засова и рвануть. Почти полпуда динамита в заряде, по моему мнению, должно было хватить на организацию прохода. Чтобы быстрее использовать при атаке фортов, центральный заряд следовало обмотать белой материей, чтобы лучше видно было, и выстрелить в него.

Объяснил схему Будакову и приказал, чтобы к утру было готово шесть чехлов для зарядов. Динамит отнести на склад, в тенёк. Для изготовления чехлов использовать болванку из дерева по размерам динамитной шашки. Последним указанием обидел фельдфебеля, который ушёл, тихо ворча под нос, что он получше всех в полку знает, как надо обращаться что с динамитом, что с пироксилином.

Наконец-то я смог заняться собой. Помылся в солдатской моечной. Грязное обмундирование забрал солдат по фамилии Хохлов, которого временно назначили мне в денщики. Чистый и довольный, я прошёл в офицерскую канцелярию полка, где меня уже дожидались Станкевич и Янчис. Стол был накрыт шикарно.

– Откуда такое богатство, господа? – поинтересовался я у офицеров.

– По вашим словам нас скоро ожидает первый в жизни бой. Вот мы и решили с Петром Александровичем проставиться за это событие. Заказали ужин в ресторане того же Тифонтая, – ответил поручик.

– Желание похвальное, господа. Жалко, что меня не предупредили. Тогда с меня завтра обед в ресторане перед отплытием. Потом неизвестно, когда получится поесть в нормальной обстановке. И это не обсуждается, господа.

– Слушаюсь, – дружно с улыбкой ответили офицеры.

– А теперь за знакомство, – сказал я, поднимая бокал, в который Янчис, как младший по званию, налил на треть коньяка.

Ужин прошёл хорошо. Мне пришлось рассказать о себе. Ордена Святого Георгия и Святого Владимира четвёртой степени, «клюква» на пашке, а также медали «За храбрость», которые был вынужден носить постоянно, по их статуту, пробудили много вопросов у господ офицеров. Станкевич был старше меня на шесть лет, но не имел ни одной награды, так же как и молодой Янчис. Оказалось, что обо мне оба офицера кое-что слышали, на уровне сложившихся сказок среди казаков Приамурья, а тут герой этих сказаний сидит перед ними. Мне же было интересно узнать как можно больше об офицерах, с которыми скоро пойду в бой. Ужин по этой причине затянулся и закончился за полночь.

Утром после интенсивной зарядки для всех представителей сводного отряда, невзирая на звания, был усиленный завтрак, так как, когда будет обед и ужин, не мог бы предсказать и сам Господь Бог. После завтрака бойцам было выделено два часа времени для сбора в десант. Унтера были проинструктированы по тому, что надо будет взять с собой, и начали контролировать данный процесс на командно-русском языке. Я же с офицерами, фельдфебелем Будаковым, старшими унтерами Акимовым, Тепловым и стрелками Довбивом и Лыковым, которые были назначены нашими сапёрами – взрывателями ворот, отправился на стрельбище. Надо было испытать один из шести зарядов, которые будут использованы для проделывания проходов в форты.

Унтера и стрелки были ребятами рослыми, не косая сажень, но где-то под метр девяносто и выше все четверо. Силушкой обижены не были и умом, слава богу, тоже. Сейчас я с удивлением смотрел на то, как Акимов вдавливая одим за другим в доски мишени штыри, на которых крепился заряд в виде буквы «П».

Смекалка русского солдата всегда была частью народного фольклора. Кашу из топора сибирские стрелки не сварили, но штыри для крепления зарядов придумали оригинальные. Небольшой деревянный кругляшок, отрезанный от оглобли, в который был вставлен четырехгранный гвоздь – ухналь для подковки лошадей. Упираясь ладонью в чушку, старший унтер как в масло вогнал гвозди в доски, прикрепив заряд к мишени. Времени на всё про всё у него ушло меньше минуты.

– Готово, ваше высокоблагородие, – спокойным голосом доложил Акимов, будто и не с взрывчаткой работал.

Я осмотрел, как заряд лег на мишень, которая представляла собой врытые в землю деревянные столбы в руку толщиной и обитые с одной стороны дюймовыми досками. Центральная часть заряда была обмотана белой тряпкой, но через дырку в брезенте рукава свисал небольшой бикфордов шнур детонатора. Уверенность у меня в том, что удастся инициировать взрыв заряда попаданием пули в динамит, была слабоватой. В фильмах, что смотрел в прошлой жизни, ковбои в вестернах это делали легко. Но правдиво ли это? Сейчас и испытаем.

– Молодец, Фёдор Петрович, – похвалил я старшего унтера. – Пошли к остальным.

Все участники испытаний стояли от мишени с зарядом в шагах примерно ста пятидесяти. Подойдя к ним, я произнёс:

– Давайте-ка ещё шагов на пятьдесят отойдем. Полпуда динамита – это не шутка. И лучше зайти за ограждающий стрельбище бруствер и присесть за ним.

Все выполнили мою команду. Встав на колени, я достал из деревянной кобуры Маузер К96. Пока пристёгивал к пистолету кобуру-приклад, заметил завистливые взгляды господ офицеров, да и унтера с солдатами смотрели с интересом.

– Ваше высокоблагородие, неужели попадёте? – поинтересовался Будаков, в глазах остальных испытателей также увидел большое сомнение.

– Попробуем, – ответил я, после чего сделал несколько глубоких, спокойных вдохов и выдохов, чтобы обогатить организм кислородом, упёр приклад пистолета-карабина в плечо, плавно выдохнул и на задержке дыхания, прицелившись, выстрелил.

Не дождавшись результата в виде взрыва, выстрелил ещё раз в слабо виднеющееся белое пятно. Рвануло так, что у меня сдуло фуражку с головы, плюс рядом пролетел какой-то кусок дерева. Испытатели начали бурно выражать свои мысли по случившемуся факту, общий смысл которых сводился к тому, что, во-первых, слава богу, не остались стоять ближе, а то наверняка были бы раненые, а то и убитые, во-вторых, такого заряда точно хватит, чтобы вынести ворота в форте. Я, глядя на то, что осталось от мишени, оба эти вывода про себя подтвердил.

– Иван Фомич, – обратился я к нашему главному оружейнику – каптенармусу, – когда будешь снаряжать следующие заряды, бикфордов шнур делай такой длины, чтобы можно было успеть отбежать хотя бы шагов на сто и залечь. Лучше, конечно, подальше. Будем надеяться, что у фортов можно будет вбок от ворот отойти и укрыться от взрыва. Но готовиться надо к худшему. В темноте с такого расстояния в заряд не попасть.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие. Вот это рвануло! До сих пор в ушах звенит. А метко вы стреляете!

Фельдфебеля дружным гулом поддержали остальные. Я же отправился поднимать свою фуражку.

Вернувшись со стрельбища, занялись проверкой подготовки солдат к десанту. Устроили строевой смотр. Проверили оружие, снаряжение, укладку каждого солдата, а также общего имущества, которое брали с собой. Устранили недостатки, а посыльного с приказом всё не было. Пользуясь моментом, я отдал приказ приготовить обед. Если сами не успеем пообедать, достанется тем солдатам, которые остаются. Правда, они тогда обожрут. Это же порций по шесть съесть придётся.

Ранний обед закончился, когда в распоряжение прибыл молоденький мичман с приказом срочно выдвигаться в порт для погрузки на крейсер. Через два часа «Адмирал Корнилов» должен отчалить. Началась организованная суматоха, на которую я взирал с мыслью, что кое-что упустил. Наконец не выдержав издевательств над своей памятью, подошёл к Станкевичу, который раздавал ценные, а может быть, ещё более ценные указания унтерам.

– Сильвестр Львович, я думаю, Будаков с унтерами справятся с переходом в порт. А мы до начала погрузки успеем отобедать в портовом ресторане. С меня должок, а столик и обед я через посыльного заказал. Рикши ждут около казармы уже два часа.

Поручик моё предложение полностью поддержал. Фельдфебель был до смерти заинтригован, наши офицерские вещи для похода перекочевали в обоз отряда, а мы, найдя Янчиса, отправились обедать. Перед тем как сесть в коляску рикши, я вспомнил, что же за мысль меня мучила. Нужны российские флаги. Озвучил её вслух для офицеров, которые уже разместились в колясках.

– Сильвестр Львович, в полку есть российские флаги?

– А зачем они? – вопросом на вопрос ответил поручик.

– Адмирал Алексеев отводит большое внимание участию русских войск в международном десанте. Из-за чего в бой брошен наш отряд, состоящий в основном из нестроевиков? Части бригады Стесселя не успевают к сегодняшнему дню подойти из Бицыво, вот нас и отправили в десант. В большей степени как статистов. Поэтому, если будем штурмовать форты и возьмём их, политически необходимо, чтобы над ними взвился русский флаг.

– Постараемся решить этот вопрос. Но четыре флага точно не реально найти.

– Надеюсь, адмирал прибудет в порт проводить наш отряд, как отряд полковника Анисимова. Озадачим данной проблемой наше самое большое начальство, – я улыбнулся своим словам, как шутке.

Станкевич, ответив своей понимающей улыбкой, выскочил из коляски и, подозвав одного из солдат, стоявшего в карауле на воротах, пошел к нему навстречу. Вернувшись, доложил, что приказ Будакову передадут, но результат неизвестен. После этого направились в ресторан.

Отобедали шикарно, пускай и быстро. Это меню, чувствую, будет меня долго преследовать: суп-пюре из курицы, телячьи ножки под соусом Пулет, крокеты из говядины с соусом Пикан. Винегрет, но какой винегрет! Внизу небольшие кусочки телятины, баранины, говядины, поросенка, гуся, индейки, ещё какой-то дичи. Сверху мяса рядами выложены тоненькие ломтики вареного картофеля, свеклы, очищенных соленых огурцов и хрустящих рыжиков. Всё это засыпано мелко крошенными вареными яйцами и облито соусом из хорошенько сбитого вместе ренского уксуса, горчицы, прованского масла и немного соли. Вкус?! Язык проглотить можно! На десерт бланманже миндальное с клюквой и пара бутылок вишневого ликёра, из подаренной дюжины Тифонтаем.

Сводный отряд встречали у трапа крейсера «Адмирал Корнилов» довольными и сытыми. Вместе с нами стоял вахтенный начальник корабля лейтенант Бахметьев. Морской офицер вводил нас в курс предстоящего перехода к Таку: где отряд будет располагаться, что можно делать на корабле, чего нельзя делать.

По команде старшего офицера крейсера лейтенанта Панфёрова начали погрузку десанта. На носовой палубе, где нас разместили, или на баке, как говорят моряки, познакомились с временно исполняющим должность командира корабля капитаном первого ранга Матусевичем Николаем Александровичем и другими офицерами крейсера. В этот момент прибежал вахтенный матрос и доложил, что к трапу прибыл вице-адмирал Алексеев. Под руководством морских офицеров выстроили вдоль бортов солдат отряда и сами заняли место в строю.

Вскоре на палубе появился адмирал. Капитан первого ранга Матусевич скомандовал «смирно» и подошёл к Алексееву с докладом. Выслушав доклад о том, что крейсер вместе со сводным отрядом десанта к походу готов, Евгений Иванович в сопровождении Андрея Августовича пошёл вдоль застывшего строя солдат. Дойдя до меня, Алексеев весело спросил:

– Ну что, Тимофей Васильевич, готовы?

– Так точно, ваше превосходительство. Сводный отряд двенадцатого Восточно-Сибирского стрелкового полка к участию в международном десанте на крепость Таку готов.

– Молодцы!

Адмирал развернулся и встал к строю так, чтобы мог обратиться к обеим шеренгам, стоящим вдоль бортов, после толкнул речь в стиле будущих замполитов. Основной мыслью выступления Евгения Ивановича являлась главная цель нашей миссии – навести порядок в Китае и желательно мирными средствами. Закончил своё выступление адмирал Алексеев словами: «Будьте тверды, выносливы, строго соблюдайте дисциплину, не обижайте мирных жителей. Помните, что русский солдат, прежде всего, христианин, а потому должен быть добрым к тем, кто не делает ему вреда. Ваши предки не раз доказали это. Вольно! К молебну головные уборы снять».

После этих слов на сцену, точнее на середину палубы, вышел корабельный батюшка, который провёл молебен перед отправлением в поход. Бас иеромонаха, читающего молитву, накрыл склоненные головы солдат и офицеров.

По окончании службы адмирал Алексеев подошёл ко мне и поинтересовался:

– Капитан, какие-нибудь вопросы, пожелания есть?

– Так точно, ваше превосходительство, – я усмехнулся про себя, увидев удивлённые взгляды Алексеева и Матусевича.

Не принято в русской армии и на флоте, чтобы младший офицер так отвечал на такой вопрос генерала или адмирала. Обычно никаких вопросов и пожеланий нет и быть не может. Присутствует только сильное желание выполнить, как можно быстрее, полученный приказ.

– Отряду нужно еще три российских флага, – продолжил я свою фразу.

– Что значит ещё три флага? – удивление адмирала, судя по выражению лица, выросло на порядок.

– Ваше превосходительство, если китайцы исполнят требование ультиматума или мы штурмом возьмем четыре форта, необходимо, чтобы над ними взвился русский флаг. К сожалению, мы смогли найти только два.

Услышав мой ответ, адмирал Алексеев весь расцвел и, кажется, стал выше ростом и шире в плечах.

– Тимофей Васильевич, вы просто молодец! Кто-то скажет, что это мелочь, но на самом деле – это престиж Российской империи. Николай Александрович, – обратился адмирал к Матусевичу, – у вас найдутся флаги для отряда капитана Аленина-Зейского?

– Ваше превосходительство, я сейчас отдам распоряжение, чтобы посмотрели.

– Ваше превосходительство, разрешите? – я вмешался в разговор двух моряков.

– Слушаю вас.

– С учетом того, что в возможном штурме фортов будут участвовать канонерские лодки эскадры Тихого океана, думаю, будет справедливым, чтобы над половиной фортов взвился Андреевский стяг.

Приятно видеть, когда твои слова легли бальзамом на сердце начальника, особенно если ты как бы и не льстил. Лицо адмирала просияло, а Матусевич улыбался на ширину приклада.

– Ваше превосходительство, Андреевских флагов можем предоставить и пять штук, – довольно произнёс командир крейсера.

– Вот и хорошо. Вопрос решили. Тогда с Богом, вперёд! И удачи вам, – Евгений Иванович, сняв фуражку, широко перекрестился.

Глава 4. Тонгку

– Как видите, господа, данная река отнюдь не Белая, как переводится её китайское название Байхэ, которое мы переименовали в Пэйхо. Судя по цвету воды, ей больше бы подошло название Шоколадная или Кофейная, – произнёс лейтенант Бахметьев.

Николай Иванович на все время нашего морского перехода стал для меня, Станкевича и Янчиса своеобразным гидом. Теперь он рассказывал нам о реке Байхэ, или Пэйхо, которая, протекая через Пекин, впадала в Чжилийский залив, также по-своему названный европейцами Печилийским, несмотря на то что китайцы зовут и залив, и прибрежную область просто Чжили.

Наше путешествие на крейсере «Адмирал Корнилов» закончилось в заливе Чжили. Пока мы перегружались на подогнанные баржи, командир крейсера Матусевич в сопровождении Бахметьева на катере сходили с докладом на крейсер «Россия», флагманский корабль начальника эскадры Тихого океана вице-адмирала Гильтебрандта.

Целый час, пока мы шли на баржах, которые тянул какой-то пароход, лейтенант рассказывал новости, которые он узнал на «России». А сведения действительно были интересными.

Обогнав нас всего на пару часов, из Порт-Артура в залив прибыл минный крейсер «Гайдамак», который привёз секретное предписание вице-адмирала Алексеева – в обязательном порядке занять форты крепости Таку, чтобы не лишиться сообщений эскадры с Тонгку и Тяньцзином, и тем поставить наши десанты и войска, свезённые на берег, в весьма опасное положение.

Решение об ультиматуме было принято раньше, но вице-адмирала Гильтебрандт оттягивал его передачу, дожидаясь русских солдат в десант. Хотя в девять часов утра сегодня на борту его флагмана опять собрались союзные адмиралы. Совещание было непродолжительным, а решение единодушным – в любом случае третьего июня вручить ультиматумы чжилийскому вице-королю Юй Лу и коменданту крепости Таку генералу Ло Юнгуаню с требованиями передать союзным войскам форты до двух часов ночи четвертого июня. В случае если к этому времени укрепления не будут оставлены китайскими войсками, союзники вынуждены будут их взять силой. Ультиматум был подписан от имени России – вице-адмиралом Гильтебрандтом, от Франции – контр-адмиралом Куржолем, от Англии – контр-адмиралом Брюссом, от Германии – капитаном первого ранга Гулихом, от Японии – капитаном первого ранга Нагаминэ, от Италии – капитаном первого ранга Казеллой и от Австрии – капитаном Монтальмаром. Американцы уклонились от участия в операции, так как командующий американскими кораблями контр-адмирал Кемпф ещё на совещании второго июня заявил, что «согласно имеемым им инструкциям, может открыть враждебные действия лишь в том случае, когда его суда или команды подвергнутся непосредственно нападению».

В случае отказа китайцев добровольно сдать форты, для их обстрела союзным флотом выделялись шесть канонерских лодок: три русских – «Бобр», «Кореец» и «Гиляк», английская канонерка «Algerine», германская «Iltis», французская «Lion». Канлодкам придавались два русских миноносца – № 203, бывший «Уссури», и № 205, бывший «Свеаборг», а также два английских контрминоносца «Fame» и «Whiting». Общее командование этими силами было возложено на капитана первого ранга Добровольского, командира «Бобра».

Для действия с берега против фортов был сформирован десантный отряд, составленный на случай боя под общим начальством германского капитана Гуго Поля. В отряд входило сто шестьдесят английских матросов под командой капитана Крадока, триста японских под начальством капитана Хаттори, сто сорок германских, двадцать австрийских и двадцать пять итальянских с лейтенантом Танка. Данный отряд расположился биваком рядом с железнодорожной станцией Тонгку. В его распоряжение нас и переправляли по реке на баржах.

Лейтенант Бахметьев находился с нами, потому что ему была оказана честь стать парламентаром, который передаст ультиматум союзных сил коменданту крепости Таку генералу Лю Юнгуаню. Вместе с ним как переводчик с нашим отрядом следовал английский лоцман Джонсон. Перед китайским адмиралтейством их должен был подобрать миноносец № 205, а наши баржи пройдут выше по реке.

От лейтенанта узнали и план штурма фортов, если вдруг китайцы не захотят добровольно их освобождать. Данный план был выработан на военном совете командиров кораблей, которым предстояло действовать против береговых укреплений Таку. Потом каперанг Добровольский доложил его Гильтебрандту, а тот довёл до Матусевича и Бахметьева, когда вводил их в курс дела. Данный план Николай Иванович вкратце довёл до нас. Он состоял в следующем.

С начала боя весь огонь канонерских лодок сосредотачивается на северо-западном форте номер четыре. Цель – подавить огневые точки форта, перед взятием его десантом. Из тех орудий канонерок, которые в силу своих углов обстрела будут не в состоянии стрелять по северо-западному форту, следовало открыть огонь по тому из южных фортов – второму или третьему, – который будет более всего мешать своим огнём.

Когда десант будет подходить к четвертому форту, огонь всех лодок следовало перевести на северный форт, или номер один. После его взятия сосредоточить весь огонь на южном форте номер два. Союзный десант, поддерживаемый огнём с канонерских лодок, переправляется через реку на другую сторону и атакует сначала южный форт номер два, а затем прибрежный форт номер три. Ну и на закуску – юго-западный форт номер пять.

Вот такой лихой план. Я когда его услышал из уст Николая Ивановича, несколько опешил. За одну операцию взять одним отрядом пять фортов с переправой через реку, которую, по словам того же Бахметьева, китайцы начали минировать морскими минами?! В общем, комдив Чапаев отдыхает со своей атакой впереди всех на белом коне, в черной бурке и с шашкой в руке.

Между тем лейтенант Бахметьев продолжал вещать:

– Господа, посмотрите, как слева по борту открывается вид на прибрежный форт номер три. На его вооружении самые мощные у китайцев двадцатичетырехсантиметровые патронные пушки Круппа на станках с круговым обстрелом без защитных щитов. Слава богу, только две штуки. Но ещё есть калибром двадцать один сантиметр, тоже две, и десять, которые можно отнести к шестидюймовкам. Всего восемнадцать пушек. Устье этот форт вместе с пятым юго-западным запирает надёжно. Хорошо, что наши канонерки и миноносцы уже его прошли и находятся выше по реке.

– Николай Иванович, а каково вооружение пятого форта? – поинтересовался я у нашего парламентаря.

– Там двадцать одно орудие. Из серьезного только четыре шестидюймовки Круппа на крепостных станках. Остальное старьё, которое не стоит и внимания. Поэтому этот форт и оставили напоследок. Его пушки нашим канонерским лодкам не грозят.

Плывём мимо фортов. На земляных валах на нас смотрят черные точки орудий, старательно покрытые чехлами; флагштоки и деревянные грибы для часовых напоминают, что здесь скрываются батареи. Но ни часовых, ни прислуги при орудиях не видно. На фортах мертво.

Входим в реку. Встречаются английские, американские и японские грузовики, угольщики, китайские шаланды, шампунки. Ширина реки не более пятидесяти сажен.

Слева показался южный форт номер два – самый сильный форт крепости Таку. Со слов Бахметьева, на вооружении семьдесят четыре орудия. Основная часть – это китайское старье различных калибров, но есть три стопятидесятидвухмиллиметровых патронных орудия Армстронга на станках с круговым обстрелом и щитами из стали толщиной в полтора дюйма, скорострельная стопятидесятимиллиметровая пушка Круппа с клиновым затвором, также с круговым обстрелом и щитом. Ещё две стодвадцатимиллиметровые скорострельные пушки Круппа,

шесть шестидюймовок. Только их хватит нашим морячкам за глаза и за уши. Тем более расчеты этих орудий тренировали американские советники.

Я стоял и молча рассматривал стены фортов, которые проплывали справа и слева от меня. Фактически форты – это группа батарей среднего и крупного калибра, родственная тем же островным фортам Кронштадта, представляющая собой длинную брустверную стенку, но в Кронштадте стенки были из камня, а здесь в основном глинобитные, высотой шесть-семь метров под углом градусов семьдесят-восемьдесят. За стеной находились орудийные дворики различных пушек. Кое-где было видно, что некоторые, по всей видимости, уже бетонные, причем при их создании китайцы стремились создать кольцевой дворик, прикрытый в том числе и с тыла. Новые пушки Круппа и Армстронга к тому же имеют стальные щиты, защищающие орудийный расчет с трёх сторон. При обзорной экскурсии Порт-Артура с Шен Ли на его строящихся береговых батареях такого богатства я не наблюдал. Посередине между орудиями, вернее всего, располагается казематированный траверс, в котором размещаются снарядный и зарядный погреба.

«Крепкие орешки, – думал я, мрачно слушая Бахметьева, который продолжал рассказывать о вооружении фортов, мимо которых мы проходили. – С фронта нечего и думать атаковать, только с тыла. На стенку не забраться. Засветло надо будет успеть осмотреть северо-западный форт с тыла. Не может не быть слабых мест. Да есть надежда, что китайцы особого сопротивления не окажут. В войне с японцами они показали себя не с лучшей стороны, в отличие от самураев».

Проходим мимо германской канонерской лодки «Itis», английской «Algerine», наших «Бобра» и «Корейца». Последним напротив фортов стоит французская канонерка «Lion». Солдаты и матросы разразились приветственными криками, вверх полетели фуражки и бескозырки. Офицерский состав приветствует друг друга стойкой «смирно» и отдаванием чести.

Пэйхо делает очередной поворот, который прячется среди камыша, гаоляна и китайских построек. Только вырастающие над ивами и хижинами мачты джонок или труба очередной канонерки указывают направление этой узкой змеистой реки.

Издали показались китайские глинобитные желто-серые домики, большие таможенные пакгаузы, склады, мастерские, китайское адмиралтейство и пристань, заваленная ящиками и тюками. Зеленый тростник и тощие ивы несколько ласкают глаз, утомленный лучами солнца, яркостью неба, блеском воды и песчаной равнины, которая теряется за горизонтом. Эта пустыня несколько оживляется видом китайских могил и куч морской соли.

Чуть выше по течению, за очередной извилиной у берега стоят четыре новеньких китайских дестройера – истребителя миноносцев.

– Видите этих истребителей китайских казенных денег? – спросил лейтенант Бахметьев. – Они шесть месяцев ремонтировались в доке, только что вышли из дока и, вероятно, скоро опять вернутся в него. Это по деньгам гораздо выгоднее для мандаринов. А что касается фортов, то я никогда не видел, чтобы китайцы снимали чехлы со своих пушек. Они говорят, что боятся производить учение со своими орудиями, чтобы нечаянно не попасть в какую-нибудь проходящую джонку. Так что сдадут китаёзы форты. Некуда им деваться.

– Ваши слова да Богу в уши, – ответил я, рассматривая берега.

– Тимофей Васильевич, из доклада капитана первого ранга Добровольского известно, что мы точно измерили дистанцию до фортов, замерили углы наших орудий против их батарей, так что если понадобится, то наши гранаты будут ложиться точка в точку. В случае военных действий нашим канонеркам придется драться в первую голову, и китайские батареи смогут причинить нам много неприятностей, но зато и им не поздоровится от наших орудий. Форты будут взяты, какими бы крупновскими пушками они ни были вооружены. В этом не может быть ни малейшего сомнения. Тем более мы рассчитываем на вашу помощь.

– Будем надеяться на лучшее, Николай Иванович, но готовиться к худшему.

– Не стоит быть пессимистом, лучше надеяться на положительный результат.

– Как правило, реальность никогда не совпадает с мечтами.

– Тимофей Васильевич, не хочу расставаться с вами с таким мрачным настроением. Вон мой миноносец подходит, – лейтенант указал на корабль, который потихоньку подкрадывался к нашей барже с левого борта. – Сейчас на нём до адмиралтейства, передам ультиматум, дождусь ответа и к Добровольскому с докладом. Кстати, это действительно мой миноносец, я его командир.

Я с удивлением посмотрел на Бахметьева.

– Мне надо было по делам сходить в Порт-Артур. Вот временно и исполнял на «Адмирале Корнилове», как и раньше, должность вахтенного начальника. А так мой корабль вот он – миноносец номер двести пять, бывший «Свеаборг». Если всё пройдет удачно, то буду перевозить вас на другой берег для взятия южных фортов.

В этот момент миноносец пришвартовался к барже, и лейтенант, попрощавшись, ловко перебрался на свой корабль. А наш пароход потянул баржи дальше. Вскоре мы достигли причала у Тонгку и начали выгружаться.

Тонгку – это небольшой городок, расположенный на левом берегу реки, с пристанью и станцией Китайской Императорской железной дороги, ведущей через Тяньцзинь на Пекин. Через реку виднеется другой городок с заводами и мастерскими, который называется Сику. От Тонгку есть ещё одна линия железной дороги, которая идет вдоль Чжилийского залива на Шанхайгуань до Инкоу. В общем, с военной точки зрения Тонгку – город стратегического значения.

Я стоял на твердой земле и смотрел, как с барж на пристань по трапам сходят бойцы моего отряда, тут же разбиваясь по взводам. На реке напротив причала на воде на якоре застыли английская канонерка «Algerine», два английских контрминоносца «Fame» и «Whiting» и японская канонерская лодка «Akagi».

«Ну что, пора отправляться искать командира союзного десанта капитана цур зее Гуго Поля, – подумал я. – Посмотрим, что это за вояка. Интересно, он по-английски говорит, а то мой французский оставляет желать лучшего. По-немецки я только „хенде хох“ и „Гитлер капут“ помню. А нет! Ещё „фойер“, „нихт шиссен“ и „я, я, дас ист фантастиш“».

Искать, слава богу, никого не пришлось, немецкий капитан появился на пристани собственной персоной и английским языком владел свободно. Как выяснилось, общего бивака десантного отряда нет. Англичане были на своей канонерке «Algerine». На станции разместились сто пятьдесят японцев, которые останутся для охраны Тонгку вместе со своей лодкой «Akagi», у которой какая-то неисправность с машинами. Сам фон Поль руководил отрядом из ста двадцати матросов с кораблей «Ганза», «Гефион» и «Герта». Они расположились недалеко от станции, внизу по берегу реки.

По плану атаки фортов Гуго довёл следующее: в два часа ночи суда начнут обстрел северо-западного форта. В три часа ночи русский, германский и японские отряды соединятся у заброшенной батареи и следуют по дороге вдоль реки на форт. По пути к нам присоединятся английские моряки. Соединившись, отряд останавливается и выжидает конца бомбардировки. С рассветом десант атакует форт, а дальше по обстановке.

Ещё раз удивился такому чудо-плану. Окончательно выпал в осадок после того, когда узнал, что наш самый главный командир даже не провёл рекогносцировку форта и подходов к нему. Схемы форта с тыла нет. Водоплавающие, млять, одним словом. Чем занимались целый день – не понятно. Время было уже больше восьми пополудни. До захода солнца оставалось около часа. Но съездить и осмотреть форт не получилось. В Тангку, как оказалось, нет ни одной лошади. А на своих двоих до форта доберешься уже в темноте. Поэтому, заверив капитана цур зее фон Поля, что наш отряд готов выполнить поставленную задачу, занялся своими бойцами.

Как говорится, «война войной, а обед по расписанию». Организовали походный лагерь, приготовили ужин. После приема пищи и отдыха начали подготовку к ночному выходу. Солдаты и унтера переоделись в парадные мундиры. Я также переоделся, натянув свою старую казачью форму. Её прихватил с собой, так как надеялся, что удастся уговорить генерал-губернатора Гродекова приписать меня к Амурскому казачьему полку.

На ремень с портупеей прикрепил две кобуры с наганами. Через правое плечо за спину в специальные петли вставил шашку и попробовал, как она выходит из ножен. За этим занятием меня застали Станкевич и Янчис, которые удивлённо уставились на меня.

– Несколько не по уставу, господа, но, поверьте, в бою, да и в походе очень удобно. Я такой способ ношения шашки ещё в боях с хунхузами опробовал, – опередил я вопросы офицеров. – Неудобно по лесам бродить, когда она сбоку висит. Цепляется, мешает.

– Тимофей Васильевич, а зачем вам два нагана? И кобура какая-то интересная, – опередил Станкевича вопросом подпоручик Янчис.

– Пётр Александрович, такие кобуры носили личники из конвоя его императорского величества великого князя Николая Александровича, ну и я в том числе. Очень удобна для быстрого выхватывания револьвера и открытия огня. Ну и два револьвера всегда лучше одного. На выход я ещё и маузер возьму. Итого без перезарядки двадцать четыре выстрела. Для боя внутри форта, думаю, будет полезно иметь такое вооружение. Поверьте, из-за изменения тактики и стратегии боевых действий, вызванных стремительным развитием вооружения, очень скоро солдаты будут говорить, что патронов бывает очень мало, просто мало и мало, но больше не унести.

Оба офицера синхронно хохотнули, после чего Станкевич спросил:

– И как скоро такие времена наступят?

– Мы с вами ещё застанем, Сильвестр Львович. Уже сейчас в военно-ученом комитете Главштаба, где я состою на службе, рассматривается в теории необходимость иметь в каждом пехотном отделении ружье-пулемёт и три тяжёлых пулемёта на роту. Жаль, что состояние промышленности и экономики в империи пока не позволяет осуществить такое перевооружение армии.

Поболтав ещё минут десять на тему развития армии в будущем, пошли проверять готовность отряда к возможному бою. Когда закончили смотр, времени уже было десять часов вечера. До двух утра было ещё четыре часа. Расставив часовых из тех, кто останется охранять бивак и оставляемые вещи, дал команду остальным отдыхать и набираться сил для ночного боя. Сам, сняв снаряжение и расстегнув мундир, прилёг на расстеленную плащ-палатку и попытался заснуть. Это мне быстро удалось, несмотря на жару и летающую мелкую гнусность в виде какой-то мошкары.

Проснулся я от грохота взрывов. Вскочив на ноги и застегивая мундир, осмотрелся. С той стороны, где располагались северный и северо-западный форты, вспыхивали огни артиллерийских выстрелов. С южных фортов также велся огонь. С позиций канонерских лодок на реке интенсивно расцветали в темноте огненные бутоны выстрелов.

– Тревога! В ружьё! Построение через пять минут! – проревел я, и часовые с таким же рёвом начали дублировать мою команду.

Я достал свои походные часы, стрелки которых фосфорным зеленоватым светом показали, что времени пятьдесят одна минута первого. «Война началась на час десять раньше, – подумал я. – И начали её китайцы». С этой мыслью, я быстро справился со снаряжением и вооружением, засунув напоследок за спину шашку, и направился к месту построения отряда.

В пять минут не уложились, но через семь минут сто шестьдесят три бойца, включая меня и офицеров, были готовы к выдвижению. На биваке для охраны лагеря оставалось пятеро солдат и унтер.

– Господа офицеры, унтер-офицеры и солдаты! – после доклада Станкевича я решил толкнуть небольшую речь для поднятия духа. – Вы видите, как ответили китайцы на наш ультиматум. Не дожидаясь окончания его срока, они открыли огонь по нашим кораблям. Нам поставлена задача – взять штурмом северо-западный форт. Сейчас мы выдвигаемся к заброшенной батарее, где будет осуществлен сбор союзных десантов. Не пройдет и пары часов, как флаги Российской империи и Андреевские стяги взвоятся над китайскими фортами. Братцы, за Богом молитва, за царем служба не пропадает! Ура!

Громовое троекратное «ура» было мне ответом. Дальше в течение пары минут офицерам и унтерам была поставлена задача на марш: маршрут; построение походного порядка; состав, задачи и удаление походного охранения; порядок действий подразделений отряда, если вдруг столкнемся с нападением противника, и всякое прочее. В общем, на пятнадцатой минуте отряд походной колонной двинулся к месту сбора десантов. Неплохой результат для кашеваров.

В полной темноте, освещаемой только вспышками артиллерийских выстрелов, сумели добраться до заброшенной батареи, которая была выбрана как место встречи десантов. Там нас уже ждали германцы. Я доложил фон Полю о прибытии и получил приказ ожидать остальных членов союзного десанта. Вскоре подтянулись японцы под начальством капитана Хаттори. Их темно-синяя форма позволила им незаметно подойти к месту встречи практически в упор, пока их заметили дозорные из немецких солдат.

– Господа офицеры, я рад, что вы правильно сориентировались в сложившейся ситуации. Китайцы начали обстрел первыми, и он становится всё более интенсивным. Приказываю выдвигаться вдоль берега реки к северо-западному форту. По дороге надеюсь встретиться с английским десантом. Вопросы?.. – капитан цур зее фон Поль обвёл взглядом меня и Хаттори.

– Вопросов нет, господин капитан цур зее, – хором ответил мы.

– Тогда начинаем движение. Впереди пойдут мои матросы. Русский отряд следует за нами. Ваши матросы, господин капитан, – фон Поль повернулся к японцу, – замыкают нашу походную колонну.

Через минуту союзный десант в колонну по три двинулся в ночь, ориентируясь по вспышкам выстрелов. Шагов через шестьсот впереди раздался шум, и по передаваемой из уст в уста информации мы узнали, что германский авангард, состоящий из взвода матросов и нескольких дозоров, наткнулся на англичан, которые сгружались на берег со своей канонерской лодки «Algerine».

Через несколько минут через посыльных командир десанта собрал начальников отрядов.

– Господа, доложите о количестве солдат и матросов в ваших отрядах, – отдал команду фон Поль.

Из наших рапортов стало известно, что в союзный десант на настоящий момент входит сто шестьдесят английских матросов под командой капитана Крадока, сто пятьдесят японских под начальством капитана Хаттори, сто двадцать германских и двадцать австрийских матросов под общим командованием фон Поля, и наконец, мой отряд в сто шестьдесят три человека. Общее количество вместе с офицерами составило шестьсот шестнадцать человек.

– И четырёх рот не набирается, – шепнул мне на ухо Станкевич, которого я прихватил с собой на это совещание. – И из морячков бойцы на суше так себе.

– Из наших кашеваров не лучше, – тихо ответил я. – Но, как говорится, из-за отсутствия графини, сойдет и её горничная.

Поручик хмыкнул, задавливая смех, и вновь принял серьезный вид.

– Господа, все десанты собраны. Из-за китайцев боевые действия начались на час раньше, чем планировалось. Какая сейчас обстановка на фортах и на кораблях, неизвестно. Поэтому выдвигаемся к берегу изгиба реки перед северо-западным фортом. Там попытаемся связаться с капитаном первого ранга Добровольским, чтобы скоординировать наши действия в сло-

жившейся ситуации. Какие-либо возражения имеются? – командир десанта замолчал, задав вопрос.

Ответом немецкому капитану была тишина. В сложившейся ситуации что-то лучше предложить было сложно. Судя по вспышкам выстрелов, ни форты, ни корабли пока особого ущерба не понесли. Темп стрельбы постепенно увеличивался. И надо было действительно узнать сложившуюся обстановку. Только вот как потом будем штурмовать форт?

Когда проплывали мимо, я успел рассмотреть, что северо-западный форт номер четыре такой же постройки, как и остальные форты, то есть прямоугольник с кремальберными выступами по углам. Пушечная оборона у форта была исключительно поверх бруствера. Глинобитная крутая стена высотой местами до восьми метров, но в основном около шести. Все пушки в этом форте имеют барбетную установку. Некоторые, насколько запомнил информацию, полученную от лейтенанта Бахметьева, а именно четыре новых стодвадцатимиллиметровых скорострельных пушки Круппа, имеют круговой обстрел. Плюс к этому защитный стальной щит толщиной в полтора дюйма, то есть почти сорок миллиметров. Пулей точно не возьмёшь. Ещё девять восьмисантиметровых картузных пушек Круппа. Из них пять на пехотных лафетах, которые можно быстро направить на тот участок, где мы будем атаковать. Внутренние стены одеты в камень, наружный ров заполнен водой. Какой глубины – неизвестно. Для сообщения служат ворота, сделанные в стене с мостами через ров. На форте номер четыре, из тех, что я видел, одни находились на юго-западном фасае с выходом к реке.

«Да уж, задачка, – подумал я. – Ширина стены форта в основании, по словам Николая Ивановича, больше двадцати двух шагов. То, что корабли своим огнём проделают в стене брешь, маловероятно, быстрее их на дно речное отправят. Остаются ворота. Заряды у нас есть. Только вот солдат в форте минимум пятьсот человек. Пускай двести человек обслуживают тридцать восемь пушек крепости, но еще минимум триста бойцов, которые будут расстреливать нас сверху».

С этими грустными мыслями я вместе со Станкевичем вернулся к своему отряду. Довели информацию до Янчиса и унтер-офицеров. Вскоре союзный десант двинулся дальше. Англичане заняли место в колонне перед нашим отрядом.

Через какое-то время повеяло речной прохладой, и мы вышли на берег реки. Морской или речной бой был в самом разгаре. В темноте на реке можно было рассмотреть силуэты пяти кораблей, которые вели интенсивный огонь по форту номер четыре. Кто из них есть кто, я и днем бы не определил, а уж ночью тем более.

На реке вставали огромные фонтаны воды от взрывов пушечных гранат, которые можно было увидеть при вспышках выстрелов корабельных орудий. Мы столпились на берегу, внимательно следя за представшей перед нами завораживающей картиной ночного боя. Буквально через пару минут нашего присутствия на берегу раздался взрыв с яркой вспышкой на одном из кораблей, и мгновенно на нём вспыхнул пожар.

В этот же практически момент берег осветил яркий луч прожектора, который буквально ослепил нас. И тут же над рекой разнёсся усиленный рупором голос, который сначала по-русски, а потом по-французски прокричал приказ о начале штурма.

Пока офицеры собирались у командира, чтобы получить от капитана фон Поля указания на бой, мною были отмечены несколько попаданий снарядов в корабли. Еще на одной канонерке начался пожар.

«Надо торопиться, а то все наши корабли перебьют, – думал я, шагая за посыльным от командира десанта. – Я, конечно, не большой специалист по морским боям и осадам крепостей, но, по словам Бахметьева, соотношение орудий фортов и канонерских лодок, которые участвуют в атаке, где-то два к одному, а по крупному калибру – три к одному, не в нашу пользу. Бронирования у канонерских лодок практически нет. Чем больше смотрю на этот бардак, тем больше не понимаю наших моряков. Такое ощущение, что никто из них не верил, что придётся

воевать с китайцами. Да! Если бы те броненосцы и крейсера, которые собрались в заливе в пятнадцати милях отсюда, смогли бы подойти к устью реки, я бы на эти форты не поставил и медной копейки. Но сейчас?! Не представляю, что делать. Остается тупо переть в лоб на форт и надеяться, что китайцы побегут. Если же те встанут насмерть, то и канонеркам, и нам хана, причем через пару-тройку часов».

В этот момент над рекой пронёсся звук ещё одного попадания в корабль, который заставил меня вздрогнуть и ускорить шаг.

Глава 5. Штурм северо-западного форта

– Господа офицеры, в связи с тем, что стрельба наших канонерских лодок не причинила форту серьезных повреждений и брешь не пробита, я принял решение отступить. Через час начнется рассвет, и мы окажемся перед фортом как на ладони, – капитан цур зее фон Поль обвел собравшихся офицеров союзного десанта. – Чтобы не допустить бессмысленные потери, я приказываю отступить и свернуться в походные колонны. Оставление позиций начать через десять минут.

Собрание проходило в небольшом овражке, что позволяло собравшимся общаться сидя на его склонах. После получения приказа на штурм, озвученный, как оказалось, лично капитаном первого ранга Добровольским через рупор, колонны солдат и матросов выдвинулись на определенную командиром десанта позицию атаки и залегли в цепях, не доходя пятисот сажен до северо-западного форта. В течение получаса корабли, судя по обстрелу, стали переносить огонь на южные форты. В свете редко показывающейся через облака луны было видно, как небольшой паровой катер ходил от одной канонерской лодки к другой, видимо, передавая приказ о прекращении огня по форту номер четыре. Наконец, огонь по форту прекратился совсем, и нас собрал командир десанта, который и озвучил приказ на отход.

– Господин капитан цур зее, я вынужден не подчиниться вашему приказу. У меня есть другой от моего командования – начать штурм форта, – я сам не узнавал своего голоса, произнося эти слова.

Умом я понимал, что, можно сказать, подписываю смертный приговор себе и своим бойцам. Но я также понимал, что еще час-два обстрела с фортов по нашим кораблям, и они могут оказаться на дне реки.

– Господин капитан, вы что, собираетесь только своим отрядом штурмовать форт?! Это же самоубийство, – произнёс капитан Хаттори.

– Воинский долг тяжелее горы, а смерть легче пуха, кажется, так говорит кодекс Бусидо о пути воина, – ответил я, пристально глядя в глаза японца, благо лунный свет позволял видеть лица.

– Умеющий достойно умереть будет достойно жить, – командир японского десанта и его офицер лейтенант Ширази поднялись с земли и склонились в поклоне.

– Господин капитан, мы примем участие в атаке на форт вместе с вами, – строго произнёс Хаттори.

– Я не могу пропустить такой славный штурм, – произнёс лейтенант, сделав еще один поклон. – Иначе мои предки из кланов Накатоми и Ширази не поймут меня. Как сказал великий Дайдодзи Юдзана: «Настоящая смелость заключается в том, чтобы жить, когда нужно жить, и умереть, когда нужно умереть».

Я также поднялся с земли и, сделав поклон на японский манер, произнёс:

– Для меня большая честь идти вместе с вами в бой, Хаттори-сан, Ширази-сан.

Обращаясь к офицерам, я сделал в сторону каждого поклон, получив такой же ответ. При этом лейтенант склонил голову намного ниже, чем я.

– Вы сумасшедшие, – я впервые услышал голос британского капитана Крадока. – Всегда говорил, что русские и японцы наплевательски относятся к своей жизни. Я отказываюсь участвовать в этом массовом самоубийстве и солдат своих на убой не поведу.

– Не смею настаивать, господа. Вы вправе выполнять приказы своего командования. Удачи вам! – с этими словами фон Поль поднялся на ноги и, пригибаясь, выбрался из овражка. За ним ушел Крадок.

– Господа офицеры, – я обратился к двум японцам и Станкевичу, который также присутствовал на этом совещании. – Не так всё страшно, как решили наши германские и англий-

ские союзники. В форте около пятисот солдат, половина из них обслуживает орудия. Таким образом, вооруженное сопротивление нам сможет оказать не больше роты солдат. Главное – ворваться внутрь.

– Каким образом вы думаете это осуществить? – поинтересовался Хаттори.

– У нас есть самодельные подрывные заряды из динамита. Подготовлены сапёры для этого дела. И ещё один бонус или хорошая новость – у моего отряда на вооружении десять ружей-пулемётов и куча патронов к ним. Поэтому необходимо решить, через какие ворота будем прорываться в форт, так как я видел только одни на юго-западном фасе, которые выходят к реке с небольшой пристанью. Что-нибудь известно о других воротах?

– Я знаю только об этих же воротах, – ответил командир японского десанта, а Шираиши, согласившись с ним, кивнул головой.

– Что же, времени искать другие ворота, нет. Будем атаковать юго-западные. Предлагаю следующий план. Формируем два ударных отряда. Первый состоит из сапёров с двумя зарядами, их сопровождают шесть пулемётных расчётов и шесть команд прикрытия пулемётчиков. Всего около взвода солдат. После подрыва ворот пулемётные расчёты и команды прикрытия прорываются направо и налево от ворот на стены и своим огнём подавляют сопротивление противника внутри форта. Надеюсь, что у артиллеристов личного оружия не будет. За ними в ворота входит второй ударный отряд, силой до полуроты, и захватывает внутренний двор. После подрыва заряда основные силы наших отрядов охватывают южный участок западной стены форта и открывают огонь по батареям, постепенно смещаясь к захваченным юго-западным воротам, чтобы войти в форт... – Я сделал паузу, оглядев офицеров, которые внимательно слушали меня. – Понимаю, что план не проработан, поэтому внимательно выслушаю ваши предложения.

Все повернули голову в сторону Шираиши, который был младше всех по званию и по возрасту. Тот гордо вскинул голову и твёрдо произнёс:

– Предложений нет. В такой ситуации что-то лучше придумать сложно. Готов возглавить первый штурмовой отряд.

– Извините, Шираиши-сан, но первым отрядом будем командовать я и поручик Станкевич, так как имеем больше опыта работы с пулемётными командами. Но второй штурмовой отряд хотелось бы видеть из японских воинов. Мне неприятно говорить, но наш сводный отряд собран больше чем на половину из нестроевых солдат. Я уверен в их смелости, но не уверен в их воинской подготовке.

– Я и лейтенант Шираиши возглавим второй штурмовой отряд, подобрав в него наиболее подготовленных воинов. Мы тоже не солдаты, а матросы. Но в нашем отряде есть те, кто знает, что воин должен, прежде всего, постоянно помнить, что он может умереть в любой момент, и если такой момент настанет, то умереть он должен с честью. Вот его главное дело, – рубящими фразами произнес Хаттори.

– Хорошо, господа, давайте обсудим организацию штурма, и в бой.

Обсуждение не заняло много времени. Для разделения подразделений на штурмовые отряды и команду поддержки отвели пятнадцать минут. За это время наши группы должны были перестроиться, а заодно обозначить себя белыми повязками на левом рукаве. Зря, что ли, с собой их тащили, тем более в темноте и рассветных сумерках этот знак позволит отличить своих от чужих.

Пока мы перестраивались и готовились к атаке, англичане и немцы отошли со своих позиций шагов на двести назад и начали формировать походную колонну. Между тем лунный свет тускнел, а на востоке начала зарождаться заря. Ещё час, и мы будем как на ладони. Пора атаковать. Я дал команду Станкевичу выдвигать вперёд первую штурмовую команду, за ним двинулись остальные. Пригнувшись, молча, мы бегом устремились к валу рва, окружавшего форт,

который мог стать хоть какой-то защитой от огня противника. Шума нашего передвижения не было слышно из-за непрекращающегося огня пушек крепости.

В это время с форта ударил по темноте луч прожектора, который сначала пробежался по изгибу реки, а потом устремился на берег в нашу сторону. К счастью для нас, мы уже покинули то место, где проходил свет прожектора. Но тут его луч упёрся в отступающую колонну союзников, остановился на ней, и в крепости кто-то громко закричал. Буквально через несколько минут, которые позволили нашему отряду добраться до широкого рва с водой, орудия форта начали обстрел немцев и англичан, которые вынуждены были под огнём пушек вновь рассыпаться в цепи и залечь.

Скрываться дальше не было смысла, и я, скомандовав атаку, устремился вместе со штурмовым взводом к воротам. К воротам в форт я подобрался вместе с поручиком Станкевичем, нашим первым сапёром старшим унтером Акимовым и двумя пулемётными расчётами, в одном из которых пулемётчиком был Герш Шумирай, а вторым номером Иоганн Краф. Я когда услышал первый раз их имена и фамилии, с трудом смог удержаться от улыбки. Как оказалось, это были одесский еврей-выкрест и одесский немец. Такая вот сладкая парочка «Твикс» в нашем отряде образовалась. Времени не было, но я дал себе слово обязательно выяснить, как они попали в двенадцатый Восточно-Сибирский стрелковый полк.

– Прикрепляй заряд, – скомандовал я Акимову.

– Ваше высокоблагородие, ворота-то вона какие хлипкие. Может, разом навалимся, да и вынесем их, – произнёс унтер, вопросительно глядя на меня.

«Такой и один вынесет», – подумал я, окинув взглядом богатырскую фигуру нашего взрывника. Вслух же произнёс:

– Братец, возможно, мы ворота и вынесем, но там нас могут встретить выстрелами в упор. А если взорвём, то ошеломят врага, и у нас будет время первыми открыть огонь, тем более из пулемётов. Крепи давай быстрее.

Акимов четырьмя движениями вогнал гвозди, подвесив заряд над воротами. Получилось всё секунд за десять, намного быстрее, чем на стрельбище. Стрелять в заряд я не рискнул, поэтому, достав из кармана складной нож, быстро обрезал бикфордов шнур, оставив кончик, который должен был гореть секунд шесть-семь.

– Все быстро от ворот, за угол стены, там взрыв не заденет, – скомандовал я.

Когда все выбежали из небольшого тоннеля в стене, где стояли ворота, я достал из кармана «шведские» спички. Достав три штуки, обложил ими шнур и быстро провёл чиркашей. Спички вспыхнули, а за ними затрещал загоревшийся фитиль. Я рванул на выход к тому месту, куда отбежали бойцы.

– Рот откройте, а уши ладонями зажмите, – посоветовал я солдатам и Станкевичу, проделав сам то, что сказал. Пока подносил ладони к ушам, отметил, что к оружейной стрельбе присоединился и ружейный огонь, а также раздавались пулемётные очереди.

«Жарковато будет и потерь много, если сейчас китайцы начнут все толпой со стен по нам пулять», – успел подумать я до того, как рвануло.

Взрывная волна вырвалась из тоннеля, никого из нас не задев, и я, вскинув к плечу приклад-кобуру маузера, рванул к воротам, крича на ходу:

– Пулемётные команды через одного направо и налево от ворот поднимаются на стены. Слева за мной, справа за поручиком Станкевичем. Бегом!!! Огонь без команды!

Влетев в тоннель, который был заполнен клубами дыма от взрыва, увидел, что от ворот практически ничего не осталось. Они и вправду оказались хлипкими. В проёме что-то мелькнуло, и я, не раздумывая, сделал в ту сторону пару выстрелов. Показалось, что кто-то упал. Когда вбежал внутрь форта, увидел, что не показалось. Перед самыми воротами лежал китаец, который пытался дотянуться до выпавшей из рук винтовки. Не задумываясь, провёл контроль в голову. Метрах в трех от убитого мною изломанными куклами валялось ещё несколько тел

солдат из Поднебесной. Видимо, погибли при взрыве. Заниматься ими было некогда, так как за мной начали появляться бойцы моего штурмового отряда и нам навстречу полетели первые пули.

Шумирай и Краф были первыми в воротах и, подбежав ко мне, остановились. За ними появился Станкевич, которому я показал рукой на лестницу, которая вела на стену справа от ворот. Тот, понятиливо кивнув головой, устремился на неё, а за ним побежал следующий расчёт пулемётчиков.

– Братцы, а вы что застыли? – обратился я к одесситам. – Лестницу не видите, по которой на стену забраться надо? Бегом! И как поднимитесь, сразу стреляйте вдоль стены, сметайте всё живое с неё. Надо нашим внизу помочь.

Обгоняя первый пулемётный расчёт, на стену уже вбегал по лестнице второй, а за ним неслись солдаты из команды прикрытия. Пули стали жужжать вокруг гуще. Впереди во дворе форта стала скапливаться большая группа противника, навскидку человек тридцать. Я вскинул маузер и открыл по этой толпе огонь. Оставшиеся семь патронов вылетели мигом, и с ударом бойка, который щёлкнул впустую, я услышал за спиной вскрик. Повернувшись, увидел, как Шумирай пытается одной правой рукой удержать пулемёт, а рядом, чертыхнувшись и схватившись за ногу, на землю падает Краф.

Я подбежал к ним, на ходу перезарядив маузер. Выхватил у Герша левой рукой пулемёт, правой сунул ему в руку маузер и, развернувшись, с рук открыл огонь по толпе китайских солдат во дворе, которая становилась всё больше. Бил, отсекая по три-четыре патрона, ведя стволом справа налево. Сколько упало бойцов противника, не рассмотрел, но огонь с той стороны значительно стих, да и со стен внутрь двора также ударила пара пулемётов, остальные очищали стену. Вернулся к раненым. Краф пытался наложить жгут чуть ниже колена, Шумирай застыл столбом, держа в руке мой маузер, и замершими глазами глядел, как из пробитой пулей ладони на землю течёт кровь. С ходу зарядил ему пару пощечин, после которых взгляд пулемётчика стал осмысленным.

– Чего застыл, Мойша, доставай пакет, руку перевязывай, а потом Крафу поможешь.

– Я не Мойша, я Герш.

– Да хоть отец Моисей, – с этими словами я вырвал у Шумирая из руки пистолет и бросил его на землю. – «Лифчик» снимай!

– Чего?! – округлились глаза стрелка.

– Тьфу ты, чёрт, сумку с патронами снимай, – с этими словами я сам содрал с Герша через голову нагрудный подсумок с магазинами для пулемёта и попытался надеть его на себя. – Млять, да чтоб тебя...

Моя верная шашка, подаренная Корфом и прикреплённая за спиной, помешала сделать это. Чертыхаясь, я попытался за спиной просунуть ее рукоять в отверстие для головы. На помощь одной рукой мне пришёл Шумирай.

– Ваше высокоблагородие, а зачем вы так шашку носите? И странная она у вас какая-то...

– При переходах неудобно носить, в ногах путается, а так перед боем, если она понадобится, достал и перевесил как обычно. Доставать её из-за спины одно мучение, хотя моя «черкешенка» на полпяди меньше обычной шашки. Зато в таком бою, как этот, не мешает, а казак без шашки, что мужик без х... хозяйства то есть... – Я наконец-то справился с «лифчиком». – Дай-ка гляну, что с рукой.

С рукой у Герша было всё нормально. Ладонь прошило навывлет. Как это получилось, если он должен был пулемёт двумя руками держать, – ещё одна загадка этого одесского еврея. Я достал свой индивидуальный пакет, разорвал его и меньше чем за десять секунд сделал перевязку. Потом бросил улыбающемуся, несмотря на рану, Крафу складной нож.

– Сапог режь, так не снимешь при сквозной ране в голень, и перевязывай быстрее, – с этими словами я достал из его подсумка один за другим два магазина. Один вложил в свой «лифчик», а вторым сменил пустой в пулемёте. – А мне пора помочь нашим союзникам.

Всё время, пока я разбирался с ранеными, на стенах шёл бой, откуда звучали громкое «ура» и отборный мат, а в этот момент в воротах раздался громкий крик «банзай», и во внутренний двор этой маленькой крепости повалили японцы. Впереди бежали Хаттори и Шириши, размахивая саблями и держа в другой руке револьверы.

Навстречу японцам раздалась выстрелы. В начинающемся рассвете я смог рассмотреть, что в северо-восточной части двора форта скапливается большая группа противника, но стреляли оттуда почему-то редко. Я устремился вперёд, так как бегущие японцы перекрыли мне сектор обстрела по этой увеличивающейся на глазах толпе китайцев.

В этот момент вновь заработал прожектор, который попытался осветить внутренний двор форта. В его мечущемся луче света я увидел, что на северной стене развернуты во дворе две восьмидесятимиллиметровые полевые пушки, вокруг которых суетятся расчеты.

«Если шрапнель, то с двух пушек будет почти сто пуль по пятьдесят граммов. Хотя и фугасов за глаза хватит», – успел подумать я, открывая огонь по правой для меня пушке.

Выпустив двумя очередями где-то половину магазина, ударил длинной очередью куда-то в сторону второй пушки, которая скрылась в наступившей темноте, так как прожектор также внезапно погас, как до этого зажегся. Быстро сменив магазин, я вновь открыл огонь по пушкам.

«Главное – напугать и не дать выстрелить», – металось в моей голове.

Отстреляв второй магазин, я глубоко, с облегчением выдохнул. Пушечных выстрелов внутрь двора так и не последовало, а восстановившееся после света прожектора и выстрелов из пулемёта зрение позволило увидеть, что у обстреливаемых мною орудий никого на ногах идвигающихся нет. Куда делись расчеты, разглядеть было сложно.

Я вновь сменил магазин в пулемёте и оглянулся вокруг. На северной и северо-восточной стене форта на фоне начинающегося рассвета у орудий солдат противника практически не было. Я с удивлением рассмотрел, как несколько китайцев прыгнули наружу стен форта, некоторые же бежали к лестнице, которая вела в то место между двумя зданиями внутри форта, где скопилось до ста человек противника. Именно туда с рёвом «банзай» устремились японцы, стреляя на ходу.

Посмотрев на западную стену, я отметил, что она практически полностью занята бойцами, на руках которых белели повязки. При этом количество солдат быстро увеличивалось, судя по всему, они как-то умудрялись подниматься снаружи по стене. На северной стороне были видны несколько фигур, которые через несколько мгновений попрыгали наружу за пределы стены форта. По дальней северо-западной лестнице со стен внутрь двора спускалась большая группа солдат, на которых белых повязок не было. Поудобнее перехватив пулемёт, я стоя открыл по ним огонь, отсекая по два-три патрона, чем ускорил их движение. Некоторые китайцы начали прыгать внутрь форта со стен и лестницы, пытаясь найти укрытие от моего огня за зданиями.

– Господин капитан, западная стена форта захвачена, – услышал я за спиной громкий доклад подпоручика Янчиса.

Сдерживая себя, тем не менее я резко развернулся, опуская пулемёт стволом вниз.

– Отлично, Пётр Александрович.

– Ров неглубоким оказался. Всего фута четыре. А у нас много ребят в полку из Крыма. Что им какая-то стена высотой в три сажени. Как только огонь чуть стих и китайцы побежали, они с помощью штыков быстро поднялись на стену.

– Молодцы! Ай да молодцы! – Я с удовольствием наблюдал, как на западную стену выбиралось всё больше и больше белоповязочников, которые тут же открывали огонь по китай-

ским солдатам внутри форта. – Кстати, Пётр Александрович, извините за неуместный сейчас вопрос, а откуда в полку одесситы?

– Господин капитан, основу полка составили выделенные роты третьей стрелковой бригады из Винницкого уезда и пятнадцатой пехотной дивизии, расквартированной в Одессе. Потом морем нас переправили в Порт-Артур и здесь доукомплектовали забайкальцами.

– Понятно. Признаться, был удивлён, услышав некоторые фамилии бойцов, которые несколько не характерны для сибиряков.

– Если вы про Шумирая и Крафа, то это наши полковые знаменитости. Они в одном дворе родились в Одессе и дружат всю жизнь.

В этот момент к нам быстрым шагом подошёл капитан Хаттори, подчинённые которого, укрывшись за зданиями, перестреливались с солдатами противника, занявшими оборону в других строениях этой маленькой крепости. Судя по темпу огня со стороны обороняющихся, их было не так и много.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.